

**НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

А.И. НЕКЛЕССА

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ,
ЕГО ЛАНДШАФТЫ
И ОБИТАТЕЛИ**

**МОСКВА
2002**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.1.

А.И. Неклесса. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. М., 2002

Personalia

Александр Иванович Неклесса. Заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении международных отношений РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Руководитель межотраслевого центра «Геоэкономика». Член экспертного Совета по внешней политике при Комитете по международным делам Государственной Думы РФ.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию (НПО СИНЛА), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор более 200 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Около 25 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета РАН «История мировой культуры», председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова. Профессор Академии геополитических проблем (спецкурс «Геоэкономика»). Руководитель проекта Российского гуманитарного научного фонда «Геоэкономическая система мироустройства».

Основные направления исследований: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

Электронный адрес: neklessa@mail.ru

Выпускающий редактор *Е.В. Владимирова*

Технический редактор *Т.И. Рудакова*

Компьютерная верстка *Н.Н. Никольский*

Компьютерный набор *С.И. Иванова*

Публикуется в рамках исследовательского проекта

Российского гуманитарного научного фонда

«Геоэкономическая система мироустройства»

(№ 00-02-00213а)

© 2002, А.И. Неклесса

ТРАНСГРАНИЧЬЕ, ЕГО ЛАНДШАФТЫ И ОБИТАТЕЛИ

Отрывок из беседы на берегу Телецкого озера

...В 60-е годы прошлого века стало модным представлять мир XXI столетия в виде идилличной, глобальной деревни. Контуры этого гипотетичного образа были в свое время обстоятельно прописаны в трудах ревнителей постиндустриального общества от его пророка Даниела Белла до первого апостола Маршалла Маклюэна. Но сегодня, вступив в прихожую Нового мира и глядя на облетающую позолоту его реальных конструкций, мы с толикой грусти вспоминаем фантазии давностью в несколько десятилетий.

На планете разворачивается между тем нечто грандиозное и фееричное, определяемое то как *конец истории*, то как *столкновение цивилизаций*, а в самое последнее время – как *пришествие нового варварства* и сполохи мировой войны – на этот раз с *глобальным терроризмом*. Находясь на краю познанной реальности, человечество ощущает энтузиазм конквистадоров, но – хотя цифровые машины продолжают извергать гигабайты информационных потоков, разжигая суету и воображение, – не имеет ни достоверных карт, ни уверенных маршрутов. На руках, правда, масса записей, сценариев, прогнозов, однако все они имеют какой-то пожелтевший, пергаментный оттенок...

Жизнь, между тем, демонстрирует качества вращающегося калейдоскопа, становясь все более динамичной и разноликой. Актуальная картография земель смещается, обретая химеричный оттенок, соединив мир, сгорающий в топках времени, с проникающими фантомами будущего. Хроники же переходного периода представляют нечто маловразумительное – персонализированное, спонтанное, случайное, отрицая прежнюю систему исторической записи – *Histoires Apodexis*.

Мир, в который мы вошли, – Трансграничье, диахронный лимитроф, объединивший канувшую в Лету Атлантиду с новизной расширяющегося космоса. Тенденции начинают доминировать над фактами и помыкать ими, транзитность пронизывает быт – все эти одноразовые упаковки, предметы с ограниченным сроком действия, гостиничное жилье, сдвигающиеся, кочевнические коды бытия... Политика и экономика также развиваются по правилам, которые можно назвать виртуальными, причем не только в современном смысле этого понятия, но и в том, прежнем, бытовавшем до компьютерной революции, когда данное слово обозначало «здесь и сейчас».

Удивительна сама возможность говорить о правилах, каталогах, картах как о чем-то подвижном и непостоянном. Слишком долго реестры знания воспринимались людьми как раз и навсегда данные законы бытия, либо, минимум, как прописи перманентно продолжающегося быта (в мире неживой природы, исчисляемого миллиардами лет). И хотя в биологическом и социальном универсуме срок их действия заметно короче, но здесь также привыкли ощущать эту тяжеловесную власть. Человечество, однако же, все чаще спотыкается на ровном месте, сталкивается со стойкими изменениями привычных ландшафтов, с разрывами ткани повседневности, прибегая по необходимости к кратко живущим концептам, одноразовым рекомендациям, нелинейным прогнозам. Сфера действия этого нового номоканона – здесь и сейчас; подобной эфемеридой, казалось бы, вполне можно было пренебречь, но, вот парадокс, именно в бурных водах Трансграничья, в его конкретных болевых точках, летучее знание оказывается действенным и эффективным, прописанные же заранее средства, напротив, – неуклюжими, а подчас ничтожными.

Высматривание декораций лишь отвлекает от пьесы.

Мир, расколотый на западную Ойкумену и восточный Варваристан, пройдя круги евангелизации, культуртрегерства, колонизации, вернулся в XX веке к некой исходной точке, произведя при этом на свет очередную метаморфозу, – сверкающий мировой град Севера и мрачный, трущобный Юг. Но песочные часы истории не удержали и этот образ. Словно на картинах Сальвадора Дали декорации начали расклеиваться, рассыпаться, заполняя пылью грады и веси планеты. Возникший мираж – мычащие верблюжки караваны на фоне Капитолия, глинобитные землянки, начиненные «Стингерами» и ошетилившиеся спутниковыми антеннами – обозначил конец прежнего пути и блеск безбрежного океана. «Куда ж нам плыть?»

Новый Север и Глубокий Юг, очертив в человеческом многолюдье свои глобальные траектории, соприкоснулись плотью, образовав слоистый пирог социального Постмодерна, – корочку транснационального сообщества элит и трансрегиональную начинку катакомб мирового андеграунда.

– Вы сказали, что налицо глобальное расслоение. Мир расслаивается на Юг и Север. Почему тогда терроризм в таком масштабе происходит с Юга?

– Вы знаете, это больной вопрос, отсюда все исходит, да и разделение ли это или дисперсия. Еще больший вопрос, выражает ли терроризм конфликт между Севером и Югом. Хотя, конечно, есть такое выражение: *«Терроризм – оружие бедных и угнетенных»*. Но, возможно, корни проблемы глубже, чем представляется. То, что мы понимаем как современный терроризм, во многом есть порождение современной цивилизации, западной цивилизации, христианской цивилизации, и одновременно – ее трансценденция. В какие сферы – это уже другой вопрос.

Кажется, цивилизация подошла к некоему моменту истины и качественному переходу, когда привычные формы быта и бытия становятся расплывчатыми и транзитными. В пространственном измерении манифестацией данного пограничного состояния стал, наверное, *глобализм*, понятый как физический предел половодью антропопотокa, как исчерпание им земной поверхности и ее совокупных ресурсов. Что же касается диахронного аспекта, то, наверное, таким предельным понятием является *история*.

История современности, история христианского мира представляет собою вектор, прочертивший физическое время двух последних тысячелетий. Но в чем интеграл процесса, его предельное наполнение и смысл? Я думаю, таким интегралом является становление личности, а массовой девиацией – предельный индивидуализм и дикость. Когда-то должна была возникнуть историческая ситуация, в которой личность смогла бы действовать вне регламента, вне права, вне закона, вне авторитета, могла бы свободно себя проявлять – равно конструктивным и деструктивным образом – как индивидуальность, а не частица хора. И смогла бы тогда, наверное, познать до конца, кто и что она есть.

Человек новой культуры выходит за пределы религиозного патернализма, социального и культурного контроля «над разумом и языком», за грань прежних форм метафизического и психологического программирования его действий. Он расстается при этом не только с оболочкой обрядности и суеверий, подавлявших волю, но со всем прежним прочтением культурной традиции, реализуя метафизическую и практическую свободу выбора. Равно как и свободу существования вне какого-либо метафизического модуса, что позволяет ему самостоятельно истолковывать начала бытия, проявлять истинную сущность, какой бы та ни оказалась.

Однако же, подобные качества обретаются обитателями Земли не в равной мере и в различных интерпретациях. На планете возникают смысловые диспропорции, открывающие широчайшие возможности управления и манипулирования людьми, в том числе теми, кто остается приверженцами и субъектами традиционной культуры.

Прочитывание традиционными культурами кодов секулярной эмансипации происходит нередко вне смысловых полей этих освобождающих прописей. Зачастую оно также сопровождается возрождением неотрадиционализма, возвратом к трайбалистскому стилю поведения, к коллективным идиосинкразиям и рецидивам остракизма, к исполнению ролевых функций под ярлыком бездумного «профессионализма», нивелируя и вытесняя индивидуальную позицию. В итоге возникает угроза массовой инволюции, развоплощения человеческой личности, подпадения людей под темное обаяние культурного одичания и пляски природы на волне упоения обретенным могуществом и свободой, открывшейся для широкого спектра страстей. Личность начинает вновь, хотя и по-новому, погружаться в океан коллективного бессознательного, чьим земным отражением становится глобальное массовое общество – анонимизированный «бесполосный мир», могучее половодье которого сдерживается ветшающим внешним каркасом.

В новом терроризме мы видим заговор безумных личностей или, если угодно, группы честолюбивых личностей, измышляющих и осуществляющих акции, немыслимые с точки зрения прежних систем ценностей и моделей поведения, – например, хладнокровное жертвоприношение тысяч обывателей, с использованием современных достижений цивилизации. И одновременно – это форма корпоративности, амбициозное предприятие, эффективно управляющее сценариями судьбоносных событий. Человек становится все более влиятельным актором, стущая и деятельно формируя пространства метафизической и социальной картографии, очерчивая горизонты нового театра действий, который в одном из его важнейших аспектов можно было бы охарактеризовать как «власть без государства».

Террористическая активность, индивидуальный акт деструкции, возможно, становятся устойчивым компонентом жизни в этом мире, являясь, в своей основе, извращенным проявлением все тех же тенденций цивилизации к децентрализации и индивидуальной свободе, что и лежащие в основе феномена гражданского общества. Исторический парадокс заключается в том, что в определенном смысле это и есть обугленный остов обостренной социальной инициативы в тотально недоброжелательной или агрессивной среде, а равно и в изменившихся коренным образом обстоятельствах существования, в новой просторности глобального мира и в резко возросших возможностях реализации внутреннего выбора индивида.

Недостойные человека – по тем или иным причинам – условия продуцируют два вектора деятельности: конструктивного изменения ситуации или же ее разрешения путем целенаправленной деструкции. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная амбициями и социальным инстинктом, неполноте бытия подчас предпочитает его уничтожение. Она сама отчуждает жестокий и недоброжелательный мир от бытия, пусть даже ценой аннигиляционной вспышки...

Дело здесь, таким образом, не в полной смене исторического кода, а скорее в его весьма формальном прочтении, в смещении вектора к деструкции и аномии как сознательному выбору некоторой части человечества. Это, конечно, уже иной, «опрокинутый», модус цивилизации, лишенный определенных нравственных границ. Отчетливее становится и облик эсхатологической альтернативы – постсекулярного века, как ристалища неких анонимных, но по-своему конструктивных сил в заново архаизированной и мистифицированной среде заколдованного мира, обитатели которого вновь впадают в детство человечества.

– Не означает ли все это наступление нового Средневековья?

– Средние века – эпоха необычайно противоречивая, это был футуристический прорыв, время, когда возникал новый мир, мир современной цивилизации, но возникал в условиях, когда цивилизация прежняя переживала крах. С одной стороны шел процесс архаизации общества, уплощения кодов бытия, рушились города и процветали деревни, но параллельно возникали новые формы бытия, деятельности, мышления, заметно отличавшиеся от норм поведения и мышления, характерах для мира, существовавшего на протяжении тысячелетий. Говоря о Средневековье, люди часто подразумевают нечто иное – древний, архаичный мир традиционных культур.

Нам сейчас трудно представить поведение людей в традиционном обществе Древнего мира. Человека, накрепко скованного природой и властными стереотипами. Заметное социальное движение возникало лишь под влиянием природного катаклизма или неустойчивости демографического фактора, но долгое время численность населения на Земле была достаточно стабильной. Приведу один, но достаточно яркий пример: в экологически сбалансированном пространстве примитивных народов для того, чтобы получить право завести семью, родить потомка, нужно было совершить такой акт, как «маленькая война», т.е. освободить социальное пространство для будущих детей. Нужно было кого-то убить, для того чтобы получить право кого-то родить.

Рудименты этого обычая, возможно, до сих пор сохраняются в некоторых племенах, обитающих в бассейне Амазонки, и являются составной частью инициации на

некоторых островах Тихого океана. Почему так? Потому что общее количество людей прямо соответствует ресурсам данной территории (острова, долины и т.д.). Превышать его невозможно, от этого произойдет много бед, ибо там нет никакой экономики в нашем понимании, все сбалансировано, царит идеальный «зеленый рай».

Зачем, к примеру, существовали египетские пирамиды, зачем их строили? Возможно, строили их лишь для того, чтобы динамика антропотока имела какие-то границы, не превышая некоторых критических пределов. Пирамиду строили, чтобы таким образом «связать», а подчас и уничтожить избыточные силы общества. Когда количество людей в долине Нила становилось избыточным, египтяне строили пирамиду. Если же их число заметно сокращалось, строительство тормозилось, прекращалось – на некоторое время. Механизм по-своему достаточно разумный с точки зрения социального баланса общества, отказывающегося трансцендировать привычные формы бытия.

Весьма схожий, но более изощренный процесс – строительство ирригационных сооружений. Действительно, трудно было удержать демографический баланс в застывшей форме. Человеческое общество, равно как и окружающая его природа, – системы подвижные, изменчивые. Строительство же ирригационных сооружений позволяло корректировать эту изменчивость, причем не только занимать людей и тем самым управлять их численностью, но также регулировать природу, ее плодородие. Управлять природой, создавая искусственное, рукотворное равновесие в биосфере. Помните историю о семи тучных и семи тощих коровах? Ирригационные сооружения по-своему выравнивали ситуацию: в благодатные годы часть людей работала не на полях, а на строительстве, зато в годы засушливые, «тощие», ирригационные сооружения заметно увеличивали количество зерна. Параллельным механизмом было создание запасов продовольствия, их долгосрочное складирование, массовое перераспределение. Из чего произошла затем оптовая торговля, системное воздействие на рынок и ценообразование, породившие, в конечном счете, такой социальный феномен как капитализм. Наконец, с этой же точки зрения можно взглянуть и на войны, ибо если приходят семь тощих коров, то они так или иначе начинают пожирать человека.

– *Как же тогда понималось развитие, историческое время, какие цели преследовало общество?*

– Время тогда представлялось не как стрела, летящая в будущее, а как стрела, устремленная в прошлое. Время – это *«человек, смотрящий назад»*.

О хронотопе наиболее дальних, темных зоноз можно говорить лишь предположительно, в частности, наблюдая доступные нам состояния крайней дикости. Субъективное время, судя по всему, носило тогда более чем парадоксальный – с нашей, сегодняшней точки зрения – характер: статичный и дискретный. Подобное квазиэкзистенциальное восприятие реальности отражало чрезмерную рефлекторность сознания, сопровождавшуюся постоянными провалами памяти, дефицитом «больших смыслов», заполняемыми текучими фантазиями, и неизбежной при таком состоянии ума бессвязностью бытия, т.е. свидетельствовало о полуживотном статусе, – мы оценили бы его сейчас как особый род *безумия*.

На древнейших, хтонических картах отчетливо видна эта роковая тень алогизма, хаоса и безумия. Не творческая личность, а именно хаос прямо ли, косвенно при-

знается ранними летописцами – творцами мифов, изначальной субстанцией, своеобразным дном космогонии, основанием, «первичным бульоном» жизни. В сущности, древнейшая память скорее осязательна, чем зряча, проявляется «в ощущении», а не «в озарении». Она более ритуальна, нежели мифологична. Но раз проснувшись, здравомыслие и мощь человека, его способность создавать в окружающем мире поля устойчивых изменений упорно расширяли это, парадоксальным образом одновременно дискретное и тесное восприятие времени: оно обретало объем, целостность и геометрию – замкнутую динамику, цикличность.

Становление категории времени происходило весьма специфичным образом: люди, дабы избежать беспамятства и безумия, избавиться от призраков былой *антургенции*, стремились удержать и каталогизировать прошлое, ища опору, «скрепу» бытия в некой изначальной точке. Человека той далекой поры навязчиво интересовали истоки мира, общие корни вещей; при этом люди намеренно поворачивались спиной к будущему, чреватому разрушением обретенной устойчивости и уже только поэтому воспринимаемому как опасное пограничье – внешняя окраина, маргинальная периферия.

В то ускользаемом, то удерживаемом прошлом присутствовало свое – с усилением прозреваемое и по крупицам выстраиваемое – искусственное псевдобудущее: соразмерно возводимые своды каменного неба – мифологического горизонта событий. И населяли (охраняли) это «рукотворное» пространство сверхлюди прошлого – царственные прародители.

В «дневном» же мире будущее не имело образа, ведь облик (имя) годам давали события. Оно ощущалось скорее как несовершенная субстанция, «незавершенное прошлое», необработанный камень, нечто дикое, пугающее, варварское. Люди совсем не стремились попасть в эти призрачные, несуществующие времена, их там, возможно за первым же поворотом, ждали потери, увечья или смерть. Будущее мыслилось как пространство, абсолютно неподконтрольное людям и полностью находившееся во власти других, причем весьма значительных сил. Будущее – это далекий Запад. Оно являло собой сужение бытия, его предел, пресечение, последнюю границу, а не простор. (Одно из названий будущего на аккадском языке – «дни, что опаздывают».) Быть может, здесь коренятся истоки того странного безволия в критических обстоятельствах, порой охватывающего тех, кому приоткрывались гипотетические обстоятельства их смертного часа («чему быть, того не миновать»).

Время было конкретно, потому множественно и разнолико, локально и вещественно. Не только каждый сезон или день, но даже часы (*стражи*) имели свой облик. Однако вне русла больших смыслов бытия все это разнообразие оставалось в значительной мере иллюзорным и механистичным. Неспешно перемалывая зерна жизни, перечисляя, регистрируя случившееся, время, в сущности, не вело никуда. В императивной пассивности бытия время определялось не новизной, не «проектами», а повседневностью, событиями. Времени, в сущности, и не было, был «срок».

Можно, пожалуй, сказать, что код этого древнейшего хронотопа – отчасти присутствующий в человеческом сознании и сегодня – в чем-то важном сродни архитектонике сновидений, плавно переходившей в архитектурную путаницу сложного (*ложного*) пространства лабиринта. В результате причинно-следственная логика событий носила «горизонтальный» (*синхронный*) характер: абсолютно все *со-бытия* были так или

иначе взаимосвязаны, и эта связь могла осознаваться как нечто даже более важное, чем само событие, порой воспринимаемое отстраненно, как знак. О грядущих переменах и делах надежнее было судить по косвенным признакам: приметам или аналогиям; нам знакомо и это состояние ума, сейчас мы называем его *суеверием*.

Дитя культуры Большого Модерна – новый человек – разорвал обездвигивающие его путы, создав мощное социальное движение, которое мы называем историей и современной цивилизацией, породив между делом и такое понятие как прогресс.

Но композиция икономии спасения оказалась столь динамична, сложна, неоднозначна, что во всей полноте ее величественная гармония видна, пожалуй, лишь с небес, отдельные же мелодии постигаются в не столь уж частых прозрениях. Подобную полноту бытия людям оказалось нелегко удержать и вынести. Метафизический простор требует от человека многого, и, прежде всего, – перманентных усилий по трансценденции как структур повседневности, так и собственных приступов мегаломании. Все это стало совсем непростым испытанием для нового человека. И с какого-то момента, миновав бурные воды футуризма и архаики, цивилизация попала в ловушку эффективного упрощения реальности, отрицающей ее полноту секуляризации, вернувшись, таким образом, к скрытому язычеству Аристотелевой логики, вроде бы уже поверженной к тому времени нелинейной логикой христианства.

Катафатический императив в союзе с подобным эффективным упрощением невыносимой сложности бытия снизили степень персонализма и энергичности христианского мира, а томизм в своей категоричной правоте сокрушил правду *миннэ* Прованса и оставшиеся невоплощенными земные композиции исихастского безмолвия. Прочтение кодов социальности и экклесиологии на молчаливом языке не состоялось. Все это привело к сужению адаптивных возможностей цивилизации, к ее все чаще проявлявшейся склонности к уплощению, позитивизму, ригидности и, наконец, тоталитаризму узких схем бытия. Горизонт же действия при этом расширился, но фокус исторической драмы сместился от живых актеров к катастрофной архитектуре земных утопий – этих грандиозных сценических практикаблей.

Трансграничье, к которому подошло сейчас человечество, глобально как театр действий. Что происходит? Людское половодье сливается в некий властный интеграл, знаменуя приход новой реальности, которая спонтанно проникает в мир пусть и «с черного хода». Социальная же история распадается на множество частных повествований, где личность синергично с другими, подобными ей, реализует свой проект и сюжет.

– *Вы сказали, что очень долго мир существовал на развилке Север – Юг, а до этого Запад – Восток, и в этом смысле антропотокки вились вокруг этих дихотомий. Внутри же существовали определенные объекты и институты, и, видимо, они могут быть изображены на карте. Если можно, расскажите, что необходимо изображать на современных картах, и какие институты оформляют современные антропотокки?*

– Если мы возьмем современную административно-политическую карту, то увидим двухмерную, расчерченную поверхность. Границы четки, объекты находятся в одной плоскости, мир прост, ясен и очевиден. Соответствует ли это его современному состоянию? Скорее всего, нет. Современный политик, экономист, социальный мыслитель –

все они в своей деятельности руководствуются какими-то другими картами «еще не прорисованной Амазонии».

Раньше доминирующей реальностью были государства. На сегодняшний день они не то, чтобы перестали существовать, но появились какие-то другие влиятельные субъекты, действия которых подчас носят не менее, а то и более важный характер. В мире возникают новые сообщества, амбициозные корпорации, действующие в «третьем измерении» социальных связей – транснациональном пространстве, которое все больше начинает походить на Гулливеровы летающие над миром острова, «Новую Лапутанию».

Наиболее разработанный на сегодня вариант картографирования зыбкого космоса – геоэкономический атлас мира. Это попытка выстроить картографию современности как единого пространства актуальных социальных взаимодействий, как иерархию различных видов практической деятельности. Протоптаные по миру тропинки – вектора этих взаимодействий – рисуют нам не слишком внятную пока схему, эскиз новой реальности. По сути, мы имеем лишь зачатки какой-то принципиально новой картографии.

Частной и статичной версией геоэкономической архитектоники мира может послужить известный многоярусный «китайский шар». В его трехмерной плотности сведены воедино взаимосвязанные между собой виды деятельности – хозяйственные диады.

На нижнем, географически локализуемом уровне, это добыча природных ископаемых и их использование природозатратной экономикой; другой, более высокий locus – производство сырья интеллектуального и его освоение высокотехнологичным производством. На транснациональном ярусе – производство финансовых ресурсов и применение технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления индустриальными объектами (в свою очередь плодящими потребность в подобных ресурсах).

Но транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономического мироустройства – порыв к инволюционному, хищническому использованию потенциала цивилизации с целью извлечения краткосрочной прибыли. Отсюда в легальный сектор проникают правила игры, в которых правовой, а тем более, моральный контекст утрачивает былое значение.

Наконец, на высшем этаже, это ткущаяся паутина «штабной экономики» – система глобального управления метаэкономикой, предчувствующая унификацию источника легальных платежных средств, тотальный контроль над их движением и появление единой, диверсифицированной системы налоговых платежей, способной превратить со временем земли геоэкономического универсума в плодородную ниву Нового мира – волшебный источник специфической квазиенты.

В сущности, по крайней мере в эстетических категориях, это напоминает то ли мистифицированную пирамиду кафкианского Замка, то ли еще более энigmatичный вселенский лабиринт, чей центр невидим, а власть — везде. Кодовым же ключом к подобной конструкции земных иерархий является все та же нехитрая модель политкорректного Севера (мировой град) в обрамлении проклятых стран остального мира (ми-

ровая деревня) с их, в общем-то, не вполне легитимной, с точки зрения новой ситуации, и «подведомственной» властью.

– Если вести речь об экономике, то насколько реально здесь ощущение ветра перемен, или, как Вы это определяете – признаки Трансграничья? Можно ли «картографировать» отмели и рифы в этом проливе истории? Что является здесь Сциллой и Харибдой?

– В XXI веке «великие потрясения» хозяйственного уклада становятся, кажется, достоянием не только России, но всего мирового сообщества. Прогнозы развития указывают на высокую вероятность социальных и экономических турбулентностей уже в ближайшее десятилетие. Один прогноз из этого ящика Пандоры, фактически, реализовался – кризис цифровой, информационной экономики, связанный со значительной переоценкой ее активов. Другой обсуждаемый сюжет – вероятные неприятности в мировой финансовой сфере, связанные с целым рядом факторов, включая неустойчивость глобального фондового рынка и сложность положения доллара (признаком чего явилось повторяющееся снижение его реальной цены – базовой учетной ставки Федеральной резервной системы), что, в конечном счете, чревато Большим финансовым взрывом. Третий всадник экономического Апокалипсиса – контур глобального энергетического кризиса. Состояние нефтяного рынка и оценка мировых запасов углеводородов стали заложниками сложной игры, связанной с положением традиционных отраслей промышленности в развитых странах, с одной стороны, и проблемой капитализации нефтяных корпораций, с другой.

– Не могли бы Вы подробнее рассказать об этом третьем «пузыре» мировой экономики?

– Мировая промышленность, вся социальная инфраструктура и глобальная энергетическая отрасль тесно связаны с углеводородным сырьем, в первую очередь – с нефтью. Развитие же атомной энергетики оказалось в силу целого ряда причин недостаточным, чтобы принять эстафету прогресса в данной области. К тому же жупел Хиросимы и Чернобыля, равно как и реальное возрастание суммы сопутствующих рисков, были эффективно использованы влиятельным нефтяным лобби. Не сбылись и надежды, связанные с развитием термоядерной энергетики. В то же время ряд признаков свидетельствует, что сделанные ранее оценки, касавшиеся запасов углеводородного сырья, носили завышенный, конъюнктурный характер, связанный с частными интересами стран и отдельных корпораций, в силу различных причин (к примеру, повышение капитализации заинтересованных в их преувеличении).

Кроме того, ряд существующих месторождений не могут дальше эффективно разрабатываться (либо начать разрабатываться) при нынешних, заниженных ценах на это сырье. Часть запасов вообще носит «формальный характер», ибо энергетические затраты на их разработку и доставку к конкретному потребителю – при существующих технологических (и технических) возможностях добычи – не будут покрываться энергетическим потенциалом реально добытого сырья. Все это заставляет предположить, что где-то к середине XXI века цивилизацию ожидают своеобразный «момент истины» – потрясения, связанные с прободением «энергетического пузыря» и, главное, новым

статусом углеводородного сырья. Уже одно это может изменить весь сложившийся облик цивилизации.

Подобный сценарий – лишь один из «кризисных маршрутов» на диахронной карте событий. Однако учет долгосрочных рисков системами стратегического планирования сталкивается с императивом оперативно-тактического разрешения уже возникших кризисных ситуаций. Так, к примеру, в настоящий момент Соединенные Штаты, учитывая сложности испытываемые американской и мировой промышленностью, пытаются взять под стратегический контроль глобальную энергетику. В частности, – добиться удержания или даже снижения мировых цен на нефть, в том числе за счет прихода к власти в Ираке лояльного им правительства, а также развязки в той или иной форме драматизирующихся отношений с Саудовской Аравией и арабским миром в целом. Но США попадают при этом в своего рода стратегический цугцванг. В случае ухудшения ситуации на Ближнем Востоке и решительных действий в регионе, высока вероятность серьезных неурядиц в их отношениях с ОПЕК – организацией, теснейшим образом связанной с арабским и мусульманским миром, – что в свою очередь может выразиться в резком всплеске цен на нефть.

Все это вместе взятое вынуждает Америку продумывать – в полном соответствии с логикой преадаптации – стратегический дизайн альтернативной нефтегазовой картографии. Опорными точками подобной паллиативной конструкции могли бы стать – помимо играющего свою особую роль северного нефтяного бассейна Европы, – Россия (а также в перспективе – все пространство Каспийского нефтяного бассейна); Северная и Латинская Америки (Канада, Мексика, Венесуэла); нефтедобывающие, предпочтительно немусульманские страны Африки, расположенные к югу от Сахары (прежде всего – Ангола).

– Но это ведь все еще не мир по ту сторону Трансграничья?

– То, что мы наблюдаем сегодня, действительно, лишь «социальный постмодерн», предместье призрачной цивилизации – полярного града освобожденного Франкенштейна. Мы видим симбиоз разнородных, плохо сшитых систем весьма причудливого свойства. Но даже первые картинки волшебного калейдоскопа – распад биполярного мироустройства и гуманитарные интервенции, новая экономика и виртуальная реальность, гиньоль на тему «золотого миллиарда» и карнавалы антиглобализма, невидимые амбициозные корпорации и гипертерроризм – заметно повлияли на представления о мире и человеке. История, творя ускорения и перестройки, расплачивается полновесной валютой – опытом. Исследователь же горизонтов и миражей, вычерчивая картографию постсовременного глобуса, рано или поздно задумывается над ключевым вопросом, – что сулит человечеству торжество новых начал, и каковы окажутся изменившиеся правила игры на планете?

5 июля 2002 г.

ИННОВАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

(стенограмма лекции, прочитанной 23 июня 2002 г. в Санкт-Петербургской Школе инновационных менеджеров)

Наш сегодняшний разговор пойдет о генезисе, становлении, развитии социогуманитарных инновационных систем в прошлом столетии и, частично, – о горизонтах (и тупиках) инновационного развития в наступившем веке. В качестве композиционной рамки сюжета, его смыслового фокуса, я бы предложил понятие *«российского проекта»* как своего рода стратегической матрицы для конструктивной «сборки» современной России.

Начну с небольшой преамбулы. Россия-РФ на рубеже тысячелетий оказалась в ситуации смысловой растерянности. Сам факт периодически повторяющихся призывов «сформулировать национальную идею» свидетельствует о мировоззренческом фиаско, и, косвенным образом, о коррозии социального контракта между властью и народом. В стране за годы реформ так и не сложился главный нервный узел общества, его мозг, – «национальная корпорация», для которой государство есть инструмент социокультурной реализации, достижения общественно значимых целей. Российская элита, ориентированная в практической деятельности на различные системы ценностей и ресурсные базы, оказывается не в силах преодолеть конъюнктурную раздробленность, не может обеспечить долгосрочный стратегический консенсус, а значит, – обозначить целеполагание России и смысл ее обитания в Новом мире.

Между тем, вопреки постулатам марксизма о превосходстве «экономического базиса» над «политической и идеологической надстройкой», определяющую роль в жизни общества, по-видимому, играют смысловые пространства. Разнообразные формы земного бытия, пути обустройства человеческого общежития, в сущности, не что иное, как зримое воплощение *менталитета*, – проросшие зерна той странной субстанции, которая, по выражению одного историка, есть нечто общее *«между Цезарем и самым последним солдатом его легионов, святым Людовиком и крестьянином, который пахал его землю, Христофором Колумбом и матросами на его каравеллах»*.

В этой связи красноречив и выразителен эклектичный выбор национальных символов, парадоксальным образом, не объединяющих, а, скорее, разъединяющих российское общество. Порой даже возникает вопрос: а произошла ли вообще в стране революция, или же имеет место некий бесконечный «процесс реформ», под флером благих «деклараций о намерениях» гротескным образом продлевающий жизнь – пусть и в заметно обновленных формах – далеко не самым симпатичным реалиям прошлого?

Не выглядит особо выигрышным и положение страны во внешнем мире. Года два назад отчетливо прозвучал тезис: *«Пришла пора серьезно задуматься о мире без России»* (его, если не ошибаюсь, сформулировал Томас Грэхем – на тот момент научный сотрудник Фонда Карнеги, а впоследствии – одна из потенциальных кандидатур на пост посла США в России). Другая формулировка той же мысли: *«Существование России есть не данность, а проблема»*. В настоящий момент острота ситуации, правда, заметно сгладилась, сейчас данная тема вроде бы не слишком актуальна, но колокольчик прозвенел...

На чем, однако, основана внешнеполитическая стабилизация России? В общем и целом, – на выраженной готовности к тесному сотрудничеству с США, преимущественно, в русле двух непростых сюжетов современности.

Первый из них (геополитический) – сотрудничество в сфере безопасности, включая стратегическое партнерство в формировании нового статуса Центрально-Азиатского региона. Создаваемый здесь плацдарм облегчает Америке контроль над Большим Ближним Востоком, имея в виду и иракскую ситуацию, и иранский узел, и Каспийский бассейн, и сценарии израильско-палестинского противостояния, и наметившийся кризис в отношениях с арабским миром в целом, прежде всего с Саудовской Аравией, и мониторинг зоны индийско-пакистанского конфликта и т.д. Кроме того, ЦАР – прекрасная геостратегическая площадка для контроля над внутренними районами Китая, где расположены ядерные объекты Пекина.

Другой сюжет (геоэкономический) связан с ролью российского нефтегазового комплекса в наметившемся пересмотре Вашингтоном своей глобальной энергетической стратегии. Высокая вероятность кризиса в отношениях с ОПЕК вынуждает Америку продумывать контур альтернативной нефтегазовой конфигурации, в которой России отводится не последняя роль.

Иначе говоря, Россия-РФ, лишенная на протяжении длительного времени собственной внятной стратегической конструкции, оказывается встроенной в активно создаваемую чужую. При отсутствии козырей в глобальной игре итог этот можно было бы счесть и логичным, и уместным. Сложившееся положение может быть расценено как прагматичная констатация *status quo* с соответствующими выводами в духе «реальной политики». В чем, однако же, видятся недостатки подобной ситуации (ее достоинства будем считать очевидными)? Она существенно ограничивает политическую субъектность России, оказывающейся тесно связанной с перипетиями непростого положения США в современном мире. И, одновременно, закрепляет за страной роль объекта – управляемого сырьевого придатка, сужая спектр геоэкономических возможностей и значимых инициатив в наступившем столетии.

Но центральный вопрос – действительно ли у России не осталось на руках козырей, и страна лишена самостоятельной стратегической перспективы? * Для квалифицированного ответа на этот вопрос необходима развитая культура стратегического мышления, собственная школа стратегического анализа и планирования (скажем, некий современный – и гражданский – аналог былого Российского Генерального Штаба). Поэтому пафос моего выступления нацелен на необходимость переоценки статуса интеллектуальных штудий, всего спектра социогуманитарных инноваций и технологий в современной России, на адекватное времени прочтение роли *high hume* в Новом мире.

* Рассмотрению одной из возможных альтернатив была посвящена работа автора, основанная на гипотезе, что перспективный «российский проект», возможно, связан с инновационной моделью развития страны. Подобная модель важна не только сама по себе, но и как особый социальный конструкт, как структурообразующее начало специфической социокультурной среды. И одновременно как компас в геоэкономическом универсуме, как проявленная воля удерживать «североцентричное» положение России. Подробнее см.: *А.И. Неклесса. Российский проект // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира.* – М.: Восточная литература, 2002 (готовится к печати).

1.

Ключевое слово в разговоре о национальной инновационной системе (НИС) – *инновация*, и оно же тесно связано с другим понятием – *революция*. Социум и его грядущие измерения не нависают над человечеством с роковой предопределенностью. Человек производит все многообразие социального бытия из собственной экзистенции, пользуясь при этом ресурсами цивилизации и планеты. Инновация – это модификация ландшафта бытия, его расширение, создание новых инструментов и направлений человеческой деятельности. Революция же есть своего рода фундаментальная инновация, особая трансценденция быта и бытия, которая слабо контролируема и в высшей степени обладает качествами «закрывающих» и «открывающих» технологий. Она способна закрывать целые пласты деятельности, но, что важнее – открывает новые пространства жизни. Поэтому главный вопрос в данном контексте я бы сформулировал следующим образом: а можно ли проектировать революцию?

Массовые инновации для человечества, как ни странно, по историческим меркам дело довольно новое. Сто миллионов людей, которые ранее жили на планете, существовали, в основном, в неизменных, инерционных условиях. Оглядываясь назад, мы видим впечатляющую сумму инноваций, но все они столь рассеяны во времени, что жизнь конкретного человека чаще всего протекала в неизменном и привычном окружении. Более того, для подавляющей части человеческой истории было характерно создание особых механизмов для предотвращения инноваций.

На протяжении практически всей истории, кроме времени современной цивилизации, человек скорее избегал новизны, нежели стремился к ней. Инновации проникали в мир через «черный ход», нелегально. В реальных древних обществах, традиционных культурах большинство радикальных изобретений не использовалось, хотя люди о них знали, свидетельство чему обращение инноваций... в игрушки. Так, скажем, в империи инков колесо было неизвестно, и общество испытывало из-за этого серьезные затруднения, однако среди инкских игрушек как-то обнаружили тележку с колесами. Несколько другой вариант «игрушки» – китайский сюжет с порохом и ракетами, которые использовались для фейерверка, для развлечений. То же относится к бумажным деньгам, ассигнациям, которые применялись в ритуальных целях (сжигались). В социальном поведении оригинальность также не приветствовалась, причем до такой степени, что существовал специальный социальный сценарий, отлучавший нетривиальное поведение от обыденной жизни. Роль эту исполнял трикстер, чья фигура сохранилась впоследствии в виде шута.

Инновация становится повседневной реальностью, когда в обществе появляются такие ценности как свобода и личность. В полной мере это характерно для христианской цивилизации (со временем ставшей глобальной), где процесс творчества во всех его проявлениях, совпадая с вектором освобождения человека от пут традиционного общества, в конце концов, становится чертой повседневности. Социальное время ускоряется, инновации все явственнее облегчают бремя существования, повышается степень независимости человека от природы... Но пространство инноваций при этом отнюдь не ограничено техническими изобретениями, пожалуй, гораздо более масштабное явление – социогуманитарные изобретения и технологии.

Ограничусь одним, но масштабным историческим сюжетом – становлением и развитием капитализма, с которым тесно связана история современной цивилизации. Капитализм есть энергичный «противорынок» (как его определяет Фернан Бродель), то есть динамичное пространство системных операций и профессионального сговора, или, иначе говоря, закрытый *private market*, действующий внутри открытого *public market*. Система эта работала и продолжает работать впечатляющим образом, хотя трудно сказать, что в ней источник эффективности, а что производное: христианская цивилизация с ее духом инноватики и путешествий в неведомое или же специфические механизмы противорынка? Скорее всего мы имеем дело с синергетичной ситуацией взаимного усиления определенных тенденций. И уже на первой фазе развития данного феномена, торгово-финансовой, констатируем каскад социогуманитарных изобретений, *high hume* той эпохи. Назову лишь три наиболее поразительных и в значительной степени изменивших лицо общества инновационных инструмента: национальный банк, национальный долг и ассигнация. Однако в ходе развития национального государства эти мощные инструменты были им монополизированы.

Капитализм, между тем, начал поиск нового направления деятельности и быстро его обрел. Им стала промышленная деятельность, индустриализация и ее следствия. В то время промышленное развитие переживало инновационный бум, с лихвой окупающий любые капиталовложения; то есть оно работало, с некоторой точки зрения, как выгодное банковское предприятие, принося значительную прибыль, оправдывая разнообразные формы своего кредитования. Недобросовестные инвестиции, порча денег, выпуск ассигнаций, инфляционная эмиссия – все эти побочные издержки процесса также с лихвой окупались динамичным, скачкообразным развитием промышленности. Промышленная революция продолжалась до двадцатого века включительно, когда возникли препятствия для данного типа развития (как в свое время они возникли и для торгово-финансовой фазы).

Первое из этих препятствий несколько парадоксально по своей природе. Это та мощь, которую развила промышленная цивилизация при отсутствии, однако, соответствующих, уравнивающих ее экспансию социальных механизмов. Материальных ценностей оказалось избыточное количество. Но избыточное в какой системе координат? Вроде бы бедность и нищета, отсутствие материальных благ и дефицит – вечные спутники человечества. Данное же изобилие оказалось избыточным с точки зрения платежеспособного спроса. Реальным препятствием оказалась ограниченность платежеспособного спроса. Данная ситуация породила феномен Великой депрессии, который заставил переосмыслить многие механизмы экономического и социального развития, инициировав каскад социальных изобретений и, в частности, такую изощренную форму превращения доходов в расходы, как высокотехнологичная деструкция – то есть войны XX века как ресурсо- и материалоемкое предприятие.

Следующим препятствием для развития индустриализма стала биосферная рамка. У этого понятия две ипостаси. Во-первых, – экологическая проблема, то есть Земля оказалась освоена до такой степени, а отходов стало производиться столь много, что «чистого воздуха» и много другого стало на всех не хватать. Во-вторых, – это проблема сырьевых ресурсов. Тема ограниченности геосферных ресурсов прогремела в 1972 году вместе со Стокгольмской конференцией по окружающей среде и первым докладом

Римскому клубу «Пределы роста» супругов Медоузов. Книга имела колоссальный успех. Частичным ответом на данное препятствие стала развернувшаяся в те же годы информационная революция, но об этом написано и рассказано достаточно.

2.

В настоящее время в мире утверждается новая формула организации системной деятельности – геоэкономическая. Выше я описал те пределы и ограничения компетенции прежних институтов, которые заставили задуматься об императиве новой формулы социально-экономической организации. В чем, однако же, заключается ее специфический механизм, ее преимущества с точки зрения современных условий для реализации «системных операций противорынка»?

Сейчас в некотором смысле происходит возврат к предыдущей фазе развития экономического организма планеты – торгово-финансовой, но по-новому прочитанной в контексте глобализации. Составные части глобального социума действуют в настоящее время по единым правилам экономической игры, включая и тех игроков, которые в политической сфере сохраняют определенную специфику (наиболее яркий пример – Китай). Где-то до семидесятых годов прошлого века мировая экономическая система существовала как сумма национальных организмов, которые выступали в качестве субъектов. Затем мировую экономику все чаще стали называть глобальной. Термин изменился, и это не случайно. В чем разница? Когда меняется терминология, происходит тот или иной семантический сдвиг, это указывает на определенные изменения и в порядке вещей. Здесь как раз имела место подобная ситуация: мировая экономика трансформировалась в нечто иное. Возникла глобальная экономика как глобальный субъект, который действует на национальных площадках, рассматривая их в качестве объектов.

Вторая специфическая особенность геоэкономики – новая форма мирового разделения труда в рамках единого глобального организма. Взаимодействие отраслей стало прерогативой глобальной площадки, а стили хозяйственной деятельности (по преимуществу) – чертами того или иного географического ареала. Отсюда возникает понятие геоэкономической фазы современной цивилизации. Действительно, для экономики североатлантического региона основной структурообразующий элемент – производство технологий и образцов, частично – высокотехнологичного продукта. Серийное же производство уходит в другие регионы, основным из которых является, пожалуй, тихоокеанский. Сырьевое производство в основном сосредотачивается в странах Юга и так далее... Штабная же экономика выстраивает из всех этих геоэкономических конструкторов определенную иерархию на основе механизма, который я называю квазирентой.

Механизм этот следующий: внизу пирамиды хорошо знакомые нам «ножницы цен», которые не оставляют всю горную ренту у добывающих сырье субъектов; следующий этаж – природозатратная промышленность, производящая материальный, вещественный продукт, за счет технологической ренты с нее также снимается определенный слой дани. Кроме того, здесь могут возникать более сложные коллизии, например, связанные с деятельностью КОКОМ, т.е. монополизацией технологической ренты, ее своеобразным «отложенным снятием» за счет обладания недоступными другим субъектам военными технологиями. Далее следует весьма любопытный этаж, который для

России имеет особое значение – производство интеллектуального ресурса для высокотехнологичного производства. Здесь, однако же, в значительной мере действуют специфичная конфигурация антропопотока, то есть свободное перемещение специалистов по миру, без выплаты рентных платежей за их дотированное образование (в качестве примера, что ситуация теоретически могла бы быть иной, я бы сослался на практику перехода игроков в футбольных клубах).

Чем выше ярус, тем механизмы взимания квазиренты становятся все более емкими и все менее уловимыми. Мы подходим к пространству финансовых операций. Базовый механизм здесь – взимание процентной дани со всех текущих операций. Я говорю даже не о кредитовании, хотя это классический пример, а о самом факте прохождения всей суммы платежей через банковскую систему. Любое производство, даже если оно не пользуется кредитами, все равно платит процентную дань, потому что работает через систему банковских транзакций, перманентно выплачивая процент от операций. Тут механизм квазиренты уже охватывает, практически, все виды производства.

И, наконец, последний этаж – «штабная экономика». Здесь осуществляется символическое и семантическое регулирование, основной источник которого – пропись реальности, установление правил игры. Правил, которые позволяют получать колоссальные доходы и которые при желании можно измерить в виде конкретных сумм (то есть рассчитать, сколько сот миллиардов или десятков миллиардов долларов извлекаются за счет той или иной масштабной системной операции). Некоторые виды операций аморфны и неочевидны. Я приведу пример, который находится в стороне от основного русла рассуждения: статус английского языка как своеобразной латыни современного мира. Особенность данного системного конструкта в его несфокусированном, размытом характере присутствия в пространстве операций. Но это особое положение английского языка позволяет англоговорящим странам получать вполне конкретный дополнительный доход. Оценки этого дохода делались, но я не буду приводить конкретные данные, они могут оказаться весьма неточными, дело тут не в конкретных цифрах, дело в факте получения дохода (квазиренты) за счет, в общем-то, периферийного механизма регулирования операций.

Штабная экономика действует не как *world government*, но в виде *world governance* (то есть мирового управления, а не правительства), замыкая цепочку перераспределения ресурсов и являясь той «головой», тем глобальным центром, который оперирует другими частями данного организма, порождая на свет геоэкономические инновации и технологии, позволяющие эффективно перераспределять мировой доход.

Это, прежде всего, новые деньги, которые тесно связаны с феноменом мировой резервной валюты. Основная особенность новых денег – их автономность от материального обеспечения. Произошло это не так давно, в 1971-73 годах, когда США отказались от золотого стандарта и материального обеспечения доллара. Это был финал многовекового процесса порчи монеты, перевода денег из металлической формы в бумажную, в ассигнации и т.п. Другая технология – формирование глобального долга и тесно связанная с ней технология перераспределения национального дохода в пользу финансовых операторов, действующая на основе программ *structural adjustment* и *financial stabilization*. Еще одна, еще не полностью развернутая технология – управление риска-

ми (включая их страхование), ставшая модной темой после восточноазиатского кризиса 1997 года.

3.

Социогуманитарные технологии возникают как идея, концепт, затем развиваются, апробируются, модифицируются. Как трансформировался этот процесс на протяжении XX века? Какие инновационные механизмы предопределили, в конце концов, наблюдаемое в настоящее время господство социогуманитарных технологий над промышленными? Тут ведь был преодолен серьезный психологический рубеж. Слишком уж часто инноватика понимается утилитарно: как научно-техническое изобретение, перспективное для использования в военных целях, либо как научно-технический продукт, годный для использования на рынке.

Сложилось устойчивое «материально-техническое», «вещественное» понимание проблемы, доминированию которого, конечно же, способствовали господство материализма и прагматизма в XX веке. Кроме того, подобное состояние ума является следствием исторического триумфа промышленной революции, и тот факт, что НТР очевидным образом реализовалась в сфере материального производства, предопределил преимущественное понимание инноватики как чего-то конкретного, «технического», или, по крайней мере, как некоего решения в области производства, именно поэтому и обладающего ценностью.

В XX веке интенсивно развились дисциплинарная диверсификация и прагматизация знания. Наука в предыдущие столетия постепенно заполняла то пространство, которое занимали богословие, схоластика и философия. Теперь же более значимыми, актуальными становятся прикладные и технологические аспекты знания. Прагматизация и утилизация науки – процесс, который прочертил весь прошлый век. Уже в его начале происходит революция в управлении инновационными ресурсами – заметный отрыв инновационного производства от университетской науки. Инноватика становится «вещью в себе», и питается данная тенденция, в значительной мере, заинтересованностью в новых системах вооружения. Исследования, проводимые под эгидой военных ведомств, рождают новую форму организации творческой деятельности – Лабораторию и КБ, которые функционируют по заметно иным правилам, нежели университетская наука. Эти формы активно развиваются после первой мировой войны, которая убедительным образом продемонстрировала потенциал инноватики в сфере физических средств господства (пулемет «Максим», танк, газы), т.е. в деле создания новых видов вооружений.

Но истинным акселератором процесса стала вторая мировая война. Во время второй мировой войны был реализован целый каскад изобретений и технологий, однако не менее важным результатом стали новая институциональная форма организации исследований и модификация его предметного поля. Я имею в виду проектный подход и исследование операций. В этом ряду можно назвать *«Манхэттенский проект»* в США, проект *«Ультра»* и криптографическую школу в Великобритании, *«Ракетный проект»* в Германии и *«Атомный проект»* в СССР. Новая институциональная форма в свою очередь породила такой феномен как закрытые города: Лос-Аламос в США и ряд

соответствующих площадок в СССР. Здесь наука начинает выступать и как непосредственная производительная сила, и как самостоятельная отрасль экономики, которая имеет не только производственную, но также и социальную ипостась, формируя новый социальный класс и становясь со временем особым направлением социального творчества.

После второй мировой войны, во многом на основе развития методов исследования операций и расширения сферы их применения, в США распространяются знаменитые *think tanks*, интеллектуальные корпорации, объединяющие собственно научные исследования с иными реалиями, включая логику и политику. В числе задач остаются, конечно же, научно-технические проблемы, но не они составляют суть организационной новации. Происходит расширение исследовательского поля: от выполнения научно-технических проектов к исследованию многофакторных головоломок любого типа. И созданный за годы войны корпус исследователей приступает к планомерному освоению нового класса задач, связанных, в том числе, и с социогуманитарным моделированием. При решении этих задач используются методы как классической науки, так и новых интеллектуальных дисциплин (например, в сфере психологии, маркетинга), а, кроме того, весь накопленный опыт организации проектных исследований порой, добавляя еще такую изюминку, как семантическое прикрытие реальной проблемы.

Если упростить то, что я сказал выше, то новая послевоенная форма исследования операций есть сведение воедино науки и политики в ее различных проявлениях (политика корпораций, промышленная политика, региональная политика, политика в сфере науки и образования, военная политика и т.п.). Наука и политика находят плодотворную точку соприкосновения на основе *think tanks*, позволяющих осуществлять индустриализацию политических концептов, обеспечивать их гибкость и вариативность, оценивать с различных позиций материально-техническую базу, просчитывать и учитывать логику, прописывать сценарное древо событий и вероятных угроз и т.п. Подобный подход позволил решить такие сложные и комплексные проблемы как, например, выживание Западного Берлина в условиях блокады или создание комплексной стратегии развития Аляски. Но также – исследовать новые задачи и проблемные поля, в том числе, связанные с социальным, политическим и геоэкономическим регулированием. Что вообще есть основной предмет работы, главный объект исследовательской деятельности в этих «фабриках мысли»? Мне кажется, это, прежде всего, особый, нематериальный продукт – *алгоритм практического решения комплексной проблемы*.

К концу 60-х годов количество «интеллектуальных фабрик» в Америке исчисляется сотнями. (Всего к данной категории можно на тот момент отнести порядка 600 организаций из общего числа научно-исследовательских групп и учреждений в несколько тысяч). Насчитывается около 200 организаций неприбыльных (в основном это университетская наука, но не только) и примерно 300 – коммерческих.

С федеральным правительством связаны контрактами примерно 75 *think tanks* («федеральные научно-технические центры, работающие по контрактам»), кроме того, определенная часть этой генерации является частью государственного аппарата (научно-исследовательская группа Белого Дома, ряд институтов вооруженных сил и т.п.). Кстати знаменитый «РЭНД» относится к первой группе, а не ко второй. Это некоммер-

ческое независимое предприятие, но генезис у него – военный (Командование авиации сухопутных войск в данном конкретном случае).

4.

Стратегический рубеж современной исторической ситуации пролегает где-то между 1968 и 1972 годами. В этот период в мире разворачивается грандиозная социокультурная революция. Масштаб и характер этой революции, продолжающейся и сейчас, не получили пока, на мой взгляд, адекватной оценки. Но это уже другая тема.

Что же происходит в США к этому моменту? В космосе заканчивается успешная реализация масштабного проекта «Аполлон», на земле – терпит крах не менее масштабная акция в русле доктрины сдерживания коммунизма – вьетнамская кампания. Несмотря на столь различную результативность оба направления действий оказались, в сущности, тупиковыми. Америка в те годы оказалась в кризисной ситуации, которая чем-то напоминает положение, в котором сейчас находится Россия. Прежде всего, это также была ситуация стратегической растерянности и отсутствия плана действий, нацеленного на историческую перспективу. Нам даже сложно сейчас представить себе ту степень, те формы тактической суеты, ту многослойность и разнообразие проблем, с которыми столкнулись Соединенные Штаты.

На планете разворачивался процесс перестройки мира, его «коммунизации» в различных формах. Советский Союз чувствовал себя достаточно уверенно, у него на тот момент были сравнительно высокие темпы экономического роста, а самое главное – шла глобальная экспансия коммунистической ментальности и социальной модели. США же все больше увязли в собственной «Чечне», а единственным выходом из тоннеля представлялся путь дальнейшей эскалации конфликта. В финансово-экономической области также назревал крупномасштабный кризис, связанный с деградацией положения доллара как фактической мировой резервной валюты, европейские же союзники США, окрепшие в послевоенный период и сократившие долю экономического присутствия Америки в мире, начинали задумываться о новой стратегической позиции. (Одна из ее версий была, отчасти, прочерчена во время визита президента Франции де Голля в Москву в 1965 году.)

Однако все эти перипетии Америка переживала в условиях расцвета интеллектуальной активности, роста числа разнообразных *think tanks* и *brain trusts* – организаций, занятых в сфере социогуманитарного проектирования, исследования операций и многофакторного анализа, стратегического и оперативно-тактического планирования. И именно в этот период принимаются ключевые решения об изменении социального и инновационного маршрута Соединенных Штатов в меняющемся мире (в том числе, решения о сворачивании космической программы и вьетнамской авантюры). Новым вектором исторической динамики становится стратегический концепт, который можно определить как проект «Глобализация».

Именно тогда, в 1966 году (а отнюдь не в 1972-ом) США исподволь инициируют процесс стратегической ревизии и будущего детанта: президент Джонсон выступает с заявлением, о необходимости внесения серьезных корректив в систему отношений Запада и Востока. Вскоре создается команда по реализации соответствующей програм-

мы действий: в Совете национальной безопасности ее возглавил Френсис Бейтор, а специальным представителем президента по ее координации в отношениях с внешним миром стал Макджордж Банди, отправившийся вскоре в вояж по странам Европы и в СССР. Осенью 1967 года произошла встреча президента Джонсона и советского премьера Косыгина в местечке Гласборо. Одновременно к реализации проекта привлекались такие лица как Аурелио Печчеи, будущий основатель и президент Римского клуба.

В те годы ряд влиятельных неправительственных и международных организаций – от Совета по международным отношениям (CFR) до Организацию экономического сотрудничества и развития (OECD) – проявили интерес к идеям футурологии, к исследованию исторических горизонтов, к перспективам долгосрочного планирования и вообще к занятиям глобальной проблематикой. Социальная динамика на планете, а также опыт работы над масштабными проектами (в частности, военными и космическими) предопределили кристаллизацию идеи уверенного мониторинга будущего, необходимости *«искать пути понимания нового мира со множеством до сих пор скрытых граней, а также познавать... как управлять новым миром»*, которая формулируется в виде задачи *«создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем»*.

Возник социальный заказ на системную рационализацию в этой области. Организация экономического сотрудничества и развития предложила Эриху Янчу, одному из будущих отцов-основателей Римского клуба, заняться в рамках специальной исследовательской программы изучением вопроса о соотношении прогнозирования и планирования. Деятельность эта, в конечном счете, привела к формированию нового вида прогнозирования – нормативного, несколько парадоксального на первый взгляд, ибо его базовый алгоритм разворачивается не *от настоящего к будущему*, а *от будущего к настоящему*. Если вдуматься, то это, конечно же, не парадокс. Просто здесь в чистом виде, в виде рабочего алгоритма присутствует идея *We Build History* – «мы строим историю». Сначала определяется желаемый облик будущего, а затем, за счет эффективного контроля и управления настоящим осуществляется гибкое, динамичное, и целенаправленное изменение реальности.

Приблизительно в эти же годы Збигнев Бжезинский одним из первых формулирует тезис о стратегической цели, к которой должен стремиться Запад: *создание системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов*. Соответствующие социальные и политические ориентиры были очерчены им в работе «Между двумя эпохами»:

- замена демократии господством элиты;
- формирование наднациональной власти (но не на путях объединения наций в единое сверхгосударство, а путем сплочения индустриально развитых стран);
- создание элитарного клуба ведущих государств мира.

В начале 70-х годов создается ряд новых центров по исследованию мировой проблематики. Помимо упрочившего свое положение к этому моменту Римского клуба, в 1972 году рождается *International Federation of Institutes of Advanced Studies* (IFIAS) – Международная федерация институтов (здесь по-русски немного коряво получается) продвинутых исследований. Одновременно появляется на свет объединение ряда национальных интеллектуальных центров – *International Institute of Applied System Analy-*

sis, Международный институт прикладного системного анализа (отсюда, кстати, генезис и советского Института системного анализа, и Международного института управления). В 1973 году образуется Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных лиц, перспективных политиков и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии. А в 1975 году возникает новый мировой регулирующий орган – G-7 (на тот момент G-6).

Создание всего этого организационного инструментария способствовало не только реализации политики разрядки, но, главное, успешной перестройке стратегии США, ускорению процесса глобализации и обустройства геоэкономической инфраструктуры планеты, о которой я говорил ранее. Итогом всех этих процессов стала разворачивающаяся в мире социальная революция, связанная с постиндустриальным переворотом, информационной экспансией, развитием экономики знания и прорывом к власти нового социального слоя, специфической группировки элиты, получившей характерное название «нового класса».

5.

Ну а какие инновационные и революционные процессы происходили в России? Страна за последние полтора века пережила несколько ситуаций исторического выбора, ставших ее моментами истины. Первая из подобных ситуаций уходит корнями в реформы 1861 года. Россия сбросила тогда кожу традиционного общества и резко ускорила социальное и индустриальное развитие (не демидовское, а реальное промышленное развитие). И сразу же столкнулась с колоссальной проблемой – отсутствием соответствующей инфраструктуры. У страны не было инфраструктуры для реализации программы модернизации, и она не могла в короткие сроки такую инфраструктуру создать. Поэтому в правящем классе, в «национальной корпорации», которая на тот момент существовала в России, стала формироваться точка зрения о необходимости создавать какие-то специфические механизмы для решения этой задачи. (Отлаженной российской интеллектуальной корпорацией того времени, инициировавшей ряд инновационных разработок в самых разных областях, был, к примеру, такой институт как Генеральный штаб.)

В результате был разработан ряд инновационных для своего времени механизмов и технологий, правда их реализация (за исключением строительства Транссибирской магистрали) пришлось, в основном, уже на военное время. И тому же, в некоторых случаях, реализовывались они уже иными социальными силами: я имею в виду, например, создание института военных комиссаров на предприятиях (процесс, запущенный еще в царской России). Или план ГОЭЛРО (называвшийся, правда, по-другому, но разрабатываемый также в те годы), цель которого была та же – создание соответствующего инфраструктурного комплекса в России. И, если оценивать социалистический проект с этих «технократических» позиций, то в материально-техническом аспекте это было, конечно же, решение сложной и весьма разветвленной инфраструктурной проблемы. Проблема была решена, но вот как она была решена, успешно или неуспешно, это вопрос.

Что же происходит в Советском Союзе на историческом рубеже 60-70-х годов прошлого века? В СССР этот момент был по большому счету упущен (послевоенное

развитие исследовательской базы «научных городков» так и осталось в прокрустовом ложе естественно-научных дисциплин не совершив переход с профессиональному социально-гуманитарному стратегированию). Во многом в результате этого дисбаланса 70-е годы – время прорыва мира в новую цивилизацию – стали в России-СССР «временем застоя» (хотя попытки проведения структурных реформ в середине шестидесятых годов все же предпринимались). Советское руководство, однако, не только не предложило собственного перспективного прочтения меняющегося мирового контекста, оно, кажется, попросту не заметило этого исторического перелома.

Были предприняты лишь отдельные, весьма робкие попытки по реализации программ институализации стратегической социальной аналитики (создание Института системных исследований АН СССР, две команды по стратегическому анализу и планированию в «директивных органах», отдельные функции ИМЭМО АН СССР). Но все эти действия носили, в общем и целом, конъюнктурный, несерьезный характер. В этот судьбоносный момент в стране уже отсутствовала «национальная корпорация», то есть властный субъект, способный принимать действительно стратегически решения (связанные с высоким горизонтом прогноза) и обеспечивать их последующую реализацию...

Как же обстоят дела с созданием национальной инновационной системы сейчас, в России–РФ образца 2002 года?

Мне кажется, что проблема проектирования национальной инновационной системы России (НИСРО) имеет два уровня. На первом – необходимость своего рода «инвентаризации» имеющегося имущества, повышения его эффективности за счет применения современных методов управления (в ряде случаев – внешнего). На втором уровне – проектирование широкой системы, имеющей не только экономический, но и социальный характер, а также определенную политическую перспективу.

Позволю себе своего рода маргиналию, «рассуждение на полях». Когда занимаешься стратегическим анализом той или иной системы, то плодотворным подходом оказывается не составление реестра ее негативных и позитивных сторон с целью их поверхностной модификации, а оценка качественного состояния базовых проявлений системы. Специфические, оригинальные черты системы, как правило, имеют глубокие основания, поэтому, даже оценивая их как негативные, целесообразнее не пытаться «выкорчевать», а, скорее, сублимировать, гармонизируя состояние системы в целом. У России есть такие качества, которые проявляются одновременно и как негативные, и как устойчивые. Одно из подобных качеств – рваный контекст. При решении любой проблемы в России сталкиваешься со специфической неряшливостью, дефицитом формализованных конструкций. Подобная «клочковатость» имеет свои культурологические основы, но не они предмет нашего разговора. Я хочу сказать, что в российском контексте есть некая специфическая черта, которая, как это ни странно, в ряде случаев проявляет себя «промоутером инноватики». Потому что нет устойчиво формализованного взгляда на положение вещей, внутреннего согласия с прописью и линейной логикой.

Русский взгляд лучше видит переменчивость пространств и структур, их несоответствие формальным лекалам, а следовательно улавливает и невидимые, «не имеющие имени» возможности, т.е. – инновации. Это особое свойство, так или иначе, про-

явится в любой российской конструкции, но нам совсем не безразлично каким именно образом оно проявляется. Все это позволяет размышлять о российском проекте не просто как о проекте создания инновационной экономики, а, скорее, как о формуле конституирования национальной инновационной культуры.

В том числе и как своеобразного «ярлыка», как нового PR-проекта для окружающего мира и населения страны. В современном мире нельзя уклониться от формирования определенного облика России, так или иначе он формируется. Сейчас, если судить о России с позиций Голливуда, это уже не родина слонов, это родина бандитов. *Made in Russia* – это «Калашников» и крутой бритоголовый парень. Новый образ страны как «интеллектуальной России» и российской ментальности как творческой, инновационной ментальности имеет широкую перспективу.

6.

Инновационный ресурс в современном мире востребован, но по гамбургскому счету он оказался в дефиците. С того самого 1968 года, когда стал очевидным кризис индустриальной модели экономики и ускорилось развертывание ее постиндустриальной фазы, начинает складываться достаточно непростая ситуация в экономике. Переход к строительству геоэкономического универсума был вызван рядом серьезных обстоятельств и, в свою очередь, создал ряд непростых проблем.

В экономике США в настоящее время имеет место кризис развития. На первый взгляд он не является таким уж глубоким, порой кажется, что острота проблемы уже снята. Достигнутые американскими и международными институтами возможности управления кризисными ситуациями, в том числе в валютно-финансовой сфере, нельзя охарактеризовать иначе, как поразительные. Однако и у этих возможностей есть свои пределы.

На чем основывалась экономическая деятельность в XX веке? На освоении инновационных пространств. И таких пространств, в сущности, было не так уж много, хотя феноменология, возникшая в их недрах, поражает воображение. Четыре основных инновационных горнила в начале века это: электричество, двигатель внутреннего сгорания, химия, включая новые материалы, и особый кластер – качественно новые средства коммуникации, информации, развлечений. Вторая инновационная волна прошла по планете в середине века. Она была связана с ядерной энергетикой и военными разработками, с космической промышленностью, с индустрией ВПК в целом, с компьютерной революцией. Формат реализации этих технологий был, однако, заметно ниже, чем у первых четырех. Космические полеты и ядерная энергетика поражают воображение, но их значение все же не соизмеримо с ролью предыдущих инноваций, перевернувших образ жизни цивилизованного человека и экономику.

Последняя же инновационная волна XX века производит странное впечатление. Несмотря на видимый расцвет информационных и финансово-экономических технологий, на социальные изобретения и другие «мягкие» инновации, попытка сравнить состояние инновационной сферы в конце и в начале прошлого века, перечисляя конкретные прорывные достижения, приводит к психологически неожиданному результату: с удивлением обнаруживаешь, что инновационный импульс к концу века не только не

возрастает, но скорее затухает, правда не равномерно, хотя и достаточно заметно, начиная примерно с 80-х годов. При общем росте значения интеллектуальных технологий фундаментальные открытия – *radical innovations* сменяются и размываются многочисленными, эффектными рационализациями этих открытий – *progressive innovations*, происходит универсальная технологизация науки. Реальный же инновационный процесс к 80-м годам практически остановился, его нет. НТР стала мифом к концу двадцатого века.

Кризисность создавшейся ситуации проявляется в экономике и, прежде всего, в падении производительности капитала в развитых странах. Капитализм как определенная форма организации материального мира связана с высокой доходностью капитала вне зависимости от того, в какой форме он действует: торгово-финансовой, индустриальной или геоэкономической. Тезис об окончании индустриальной фазы и начале постиндустриальной давно уже стал общим местом в социальных науках. Но какой смысл вкладывается в данную констатацию? Подразумевается, что возникает некая новая оболочка, особая инновация, которая инкорпорирует прежнюю промышленную экономику как составную часть и питает ее, все шумпентерианство на этом основано. На перераспределении дополнительных средств, которые стимулируют развитие обычной экономики.

Однако в последнее время все большее внимание привлекают тенденции прямой деиндустриализации, подрыва фундаментальных позиций индустриального производства. Это уже несколько иное прочтение проблемы постиндустриализма. Итак, капитал теряет свою производительную силу. Данный процесс протекает в США где-то с конца 60-х годов, то есть вновь всплывает тот же исторический пик, но уже в ином контексте. На сегодняшний день падение производительности капитала оценивается ни много, ни мало в 40% по отношению к состоянию американской экономики на том рубеже. Иными словами, производительность капитала в США отброшена чуть ли не к концу девятнадцатого века. За счет чего же тогда происходит экономический рост и образуется прибыль? Потому что и в 80-е и в 90-е годы происходил существенный рост экономики США.

Дело в том, что ВВП растет за счет нескольких факторов: земли, капитала, рабочей силы, а также синтетического *total factor productivity*. Падение производительности капитала в американской экономике просто-напросто скрыто интенсивным развитием другого фактора – производительности труда – это процесс, который, в принципе, прослеживался на протяжении всех последних десятилетий. Что в свою очередь означает окончание сезона плодоношения радикальных инноваций и торжество достаточно скудной по своим плодам оптимизации. А также сверхэксплуатацию, скрытую высоким уровнем потребления, сверхэксплуатацию, которая отнюдь не означает нищету: она может сопровождаться достаточно высокой по бытовым меркам оплатой труда, и, тем не менее, в экономическом смысле это именно сверхэксплуатация.

В мире, таким образом, сформировались предпосылки для социального заказа на прорывную, фундаментальную инноватику. XXI веку нужна своя «большая волна», собственное поколение радикальных изобретений и открытий. Нужно творчество, нужны открытия, нужны люди, которые их порождают. В современной экономической формуле, однако, фундаментальное открытие есть действие, которое не имеет рыноч-

ной стоимости, оно исключается рыночной цивилизацией из социально значимых занятий, гораздо лучше оплачиваются открытия меньшего порядка – *progressive innovations* (и, кстати, под *radical innovations* также все чаще понимаются не фундаментальные изобретения). Иными словами, несколько упрощая реальность, в современной рыночной среде выгоднее заниматься рационализациями, а не открытиями.

7.

В подобной исторической ситуации у России оказывается интересная перспектива, появляется историческое пространство для реализации масштабного национального инновационного проекта, поскольку у мира есть объективный запрос на то, что составляет ее специфику.

И здесь мы вновь возвращаемся к проблеме реформирования национальной инновационной системы. Как ее выстраивать? Во-первых, конечно же, нужно проводить инвентаризацию, хотя понятно, что это лишь вступление в проблему, ее, так сказать, «пролегомены». В стране имеется большое количество бесхозного и плохо управляемого имущества, имеется система фундаментальной науки, которая связывается с РАН, но не исчерпывается ею, имеется прикладная и ведомственная наука, которая связана с ВПК, но не исчерпывается им, наконец, бизнес-наука, местами очень хорошо организованная, отлаживаемая и управляемая. Имеется также новая генерация, связанная с работой в постиндустриальном обществе, с политическими технологиями, с креативностью в целом. Инновационная деятельность в настоящее время тесно связана с информационными и коммуникационными технологиями, она носит транснациональный характер. Кроме того, это во многом «серая зона» экономической практики (а гонка криминальных и «закрытых» технологий подчас представляется своеобразной параллелью гонке вооружений).

Для успешной реализации курса, нацеленного на создание «инновационной России», необходимо осознание его комплексного характера: реального ядра, обеспечивающего долгосрочные цели существования страны (высокая результативность которого, однако же, проявится не сразу), и социально-политической/социально-психологической оболочки, результативность которой при правильной постановке может проявиться весьма быстро и эффективно. Необходима также поддержка со стороны влиятельных политических и экономических кругов, одобрение населением страны, понимание и определенная поддержка со стороны зарубежных партнеров. Выстраивание «инновационной России» может стать основой нового национального консенсуса, отчасти напоминая ситуацию с «Новым курсом» Рузвельта. Хотя при этом практически неизбежно возникнут определенные проблемы (не являющиеся все же, вопреки сложившемуся мнению, «чисто русскими»).

Есть такая байка про Мао Дзедун: в Китае провели реформу языка. Язык был громоздок, сложен, но представлял некоторую систему. И вот количество иероглифов уменьшили, систему резко упростили, но она во многом утратила смысл. У Мао Дзедун спросили, зачем же это было сделано. Мао дал короткий и четкий ответ: «Прежде чем врага уничтожить, его надо дезорганизовать».

Как вы знаете в Российской академии наук месяц назад состоялась реформа. Эта реформа привела к тому, что вместо примерно 18-19 управленческих блоков, которые существовали в РАН, появилось около 30 таких блоков. Но изюминка ситуации в том, что данное действо было названо «сокращение административной системы управления российской наукой». Прежние блоки (отделения) были названы новыми именами (секциями), а к ним добавлены дополнительные конструкции, обозначенные прежними именами. Таким образом, система стала более громоздкой, менее управляемой, но акция при этом была подана как оптимизация процесса управления. Это весьма характерная для РАН ситуация. Если исключить армию, в которой реформа все-таки началась, российская фундаментальная наука – сфера, которая все еще функционирует в советских бюрократических категориях, – как система номенклатурного толка, сохраняющая неофеодальный, «сословный» режим управления таким динамичным субстратом человеческой деятельности как инновация.

Что происходило в российской науке на протяжении XX века? Она была разделена на две части: на социогуманитарные дисциплины и естественнонаучные. Первые были стерилизованы, а вторые деформированы и прикреплены к ВПК. Ирония ситуации заключается еще и в том, что величие советской Академии Наук зиждилось не на фундаментальных исследованиях в точном смысле этого понятия, а на реализации под ее эгидой двух мощных проектов – атомного и космического. В настоящее время, однако, прикладные исследования в сфере ВПК находятся в ином состоянии и в иных отношениях с РАН. Актуальная задача – снятие накопившихся деформаций, введение в данную сферу современных методов управления. Ту же реформу РАН уместно было бы провести методом введения внешнего управляющего, с определения миссии этой организации, на основе эффективно действующих в мире оргсхем, т.е. за счет применения современных управленческих кодов, которые хорошо известны и ничего принципиально нового из себя не представляют. Но все это представляет огромную политическую проблему.

Противник, с которым мы столкнулись и с которым должны справиться при создании национальной инновационной системы, это безобразная эксплуатация творческого ресурса, непонимание современного организационно-деятельностного контекста. Инновационная система тяготеет к сетевому принципу управления. Ряд статей, описывающих современную организационную динамику, оперирует тезисом «сети против иерархий». Здесь, правда, есть некоторая неточность, – определенная иерархия может существовать и в сетях, но это, как правило, динамичные иерархии, которые связаны с актуализацией того или иного сетевого сегмента, с повышением его статуса. Обращаясь, к примеру, преимущественно к одной поисковой системе, вы повышаете ее статус и тем самым вводите элементы иерархии, что находит свое отражение в рейтинге (хотя, казалось бы, Интернет идеальное сетевое пространство). Модель организации науки должна представлять собой именно такое пространство, гася прежние, номенклатурные и административные формы ее институализации.

Однако реально существующая в России система управления наукой пока прямо противоположного рода. В ней до сих пор находит применение для оценки труда инноватора, ученого, петровская «табель о рангах». Иначе говоря, ученому платят не за реальные достижения, а в соответствии с номенклатурной позицией, которую он зани-

мает. За подробностями отошлю к прошедшей на страницах московской прессы некоторое время назад дискуссии, инициированной задевшей многие болевые точки статьей в «НГ-науке». Прочитав из нее одну, но, как мне кажется, ключевую мысль: *«цель реформы – поставить в центр научно-организационной схемы российской науки непосредственного создателя нового знания, а все административные органы, в том числе и академические, превратить в “прилагательное”, обслуживающее эффективно работающего ученого»*.¹

Так или иначе, вопрос о создании национальной инновационной системы давно назрел и перезрел. Революция в этой сфере, однако же, не произошла.

С. Боровиков. *Можно ли современную цивилизацию считать христианской? И в каких отношениях находятся христианство и инноватика?*

- Это не вопрос, это – проблема, поэтому и ответ не будет коротким. Современная цивилизация, несмотря на многочисленные ее девиации, с точки зрения своих начал и социальных кодов является христианской. Это, кстати, проявилось во время событий одиннадцатого сентября, когда возник вопрос о столкновении систем ценностей. Но христианская цивилизация существовала и существует в различных, порой существенно различных версиях (в том числе и в секулярной ипостаси – возможной лишь при христианской трактовке человеческой свободы). На протяжении почти двух тысячелетий мы наблюдаем варианты одной цивилизации, ее автономные культурные типы.

Удивительным образом история христианской цивилизации состоит из нескольких периодов (я их называю «квинтиумы»), отличающихся по своей культурно-исторической доминанте. «Квинтиумы» – поскольку история последних двух тысячелетий достаточно хорошо делится на 500-летия. Первые пятьсот лет (чуть меньше) – своеобразная «сетевая», «автокефаличная» форма существования христианского общества, переломным моментом для нее стали, во-первых, возникновение государственного христианства и халкидонский раскол, а, во-вторых, гибель прежней Римской империи в ходе переселения народов и возвышение Нового Рима, Византии, доминирующей в космосе второго «квинтиума». Рубеж второго тысячелетия – очевидный перелом в истории христианского мира, его «великая схизма»: разделение на западную, римско-католическую, и восточную, православную, части. В культурно-историческом аспекте это время возвышения Западной Европы. Следующий рубеж связан с Реформацией, а также с культурной переориентацией со Средиземноморья на среднеатлантический мир и Новый Свет. В настоящий момент мы, по-видимому, присутствуем при новой исторической метаморфозе христианской культуры и цивилизации.

Почему же именно эта цивилизация стала глобальной? Мне кажется, связано это с ее мировоззренческой основой – монотеизмом, с пониманием Божества как творца и как личности. Подобное понимание разрывает социальную инерцию языческого мира. Мир языческий – мир, застывший в дурной бесконечности времен, и мир безбожный – там происходит умножение сущностей путем перенесения земных ролевых функций на небо. Язычник – прагматик, хотя и не материалист: он откупается и от метафизики, и от истории, принося жертвы идолам. Его боги – сами чьи-то творенья, порождения безбрежного хаоса, они не *творят*, а лишь *перераспределяют*.

¹ Иван Петров. Реформа Академии Наук неизбежна. НГ-наука, 18.10.2000.

Все вышеизложенное имеет непосредственное отношение к инноватике. Изобретать – это творить новое, создавая его «из ничего». Для этого нужно обладать дистанцией по отношению к миру, значительной мерой внутренней свободы. В языческом мире у человека нет такой позиции, я об этом упоминал в лекции, когда говорил, что инновация активно изгонялась и, если существовала некоторая сумма признанных инноваций, то они были либо наследством катастроф (императива выживания), либо связаны с поддержанием социальной стабильности (императив неизменности мира). Например, строительство пирамид само по себе было бессмысленно, но оно мастерски сдерживало динамику демографического социального векторов. Или же – в случае строительства ирригационных сооружений – трансформировало его в синусоиду. В языческом мире личность была погребена под наслоениями ролевых функций, человек рождался имея вычерченный график жизни, отступления от которого, мягко говоря, не приветствовались. Поэтому кучке конквистадоров, этих «грязных мошенников», как их представляют, удавалось побеждать сотысячные армии. Этот феномен частично связан с тем, что человек мира ролевых функций (скорее объект, чем субъект действия), сталкиваясь с яркой новацией, просто цепенеет.

В монотеизме Бог является не просто Творцом, но Творцом свободным – свободным от рока, пророчеств, предначертаний – т.е. является свободно действующей Личностью, и человек, подобный своему Творцу, обретает полноту личности и свободу творить. По этой причине, в конечном счете, именно в христианской цивилизации расцветают инновации и, в числе других оригинальных явлений, появляется феномен расширенного воспроизводства. Появляется экономика в современном смысле этого слова.

Итак, истинная свобода личности достигается в рамках монотеизма. Почему, однако, в среде «людей Книги», равно исповедующих монотеизм, преференция оказалась у христианства, а не у мусульманства и иудаизма? В христианстве, есть нечто, отсутствующее в других монотеистических религиях. Это догмат о Боговоплощении. Бог становится человеком, оставаясь при этом Богом. Подобная ситуация открывает для человека необъятные горизонты: человек может приобщиться к Божественным энергиям (стать по благодати тем, чем Бог является по природе). Это больше, чем становление личности, хотя отстаивание ее права на свободу, противостояние уплощению – составная часть грандиозной жизненной программы обитателя христианского космоса. Так открылось новое понимание смысла бытия и, соответственно, – истории.

В христианстве оказался заложен крепкий реализм. Не материализм, предопределивший вроде бы атеизм, хотя и богоборчество – сколь это ни парадоксально прозвучит – одно из следствий манифестации христианской культуры. Атеизм секулярного общества сам по себе непростой феномен. *«Совершеннолетний мир безбожнее несовершеннолетнего, но именно поэтому, наверное, ближе к Богу»*, писал, к примеру, протестантский теолог Дитрих Бонхёффер. Христианская культура легитимирует иные коды бытия, точнее, право человека на их прочтение. Мир же традиционной культуры не слишком приветствует атеизм и свободомыслие (случай Сократа тому пример). Языческий мир толерантен лишь к иной системе верификации божественных функций, но не к отрицанию самой власти идолов, не случайно первохристиан называли безбожниками. Языческий мир толерантен лишь к иной системе верификации божественных функций, но не к отрицанию самой власти идолов, не случайно первохристиан называ-

ли безбожниками. Сами же христиане называли себя *moderni* – «новые люди», а столь знакомое понятие как Античность происходит от смысловой частицы «анти», то есть язычники – это «прежние люди», «предшественники».

Христиане действительно были людьми весьма новой культуры, сокрушившей прежние скрепы бытия. Когда возникло государственное христианство, при Константине Великом в начале IV века, то христиан в Римской империи было, наверное, всего 5-6%. Тем не менее, эти проценты оказались ферментом нового общества (как говорил Христос: «*Вы соль земли, вы закваска*») – на современном интеллектуальном волапюке мы бы сказали: его «структурообразующим началом». Этот фермент создал в итоге новую цивилизацию, которая оказалась весьма энергична и жизнеспособна, творя историческое целеполагание и выдвигая на различных этапах разные версии христианской культуры.

Сейчас цивилизация подошла к некоторому пределу, личность стала значимым социальным фактором, имея внутреннюю свободу социального действия, доступ к финансовым, организационным, техническим рычагам в степени, неизвестной ранее. Возникает форма социальной организации, своеобразная «парагосударственность», не слишком зависящая от административно-политических границ, транснациональная, сетевая. Я имею в виду не компьютерную культуру, а синергетичные формы взаимодействия энергичных личностей, их «амбициозные корпорации» (скорее в прежнем смысле этого многозначного понятия), которые и совершают трансформацию мира.

Что такое глобальная трансформация? Это не есть некоторый процесс, разворачивающийся независимо от людей, мы – непосредственные субъекты этого действия.

Конечно, по данному сюжету могут быть и другие мнения, но в любом случае вопросы: «Почему все эти процессы вызрели и развернулись именно в лоне христианской цивилизации, и почему христианская культура оказалась глобальным трансформатором?» – серьезны. За дальнейшими подробностями отошлю к статьям – «*Момент истины*» («Дружба народов», 2002, №4) и, выходящим в сентябре, – «*Трансмутация истории*» («Новый мир», 2002, №9) и «*Управляемый хаос*» («Мировая экономика и международные отношения», 2002, №9).

С. Боровиков. *Каково тогда положение мусульманства в современном мире? И есть ли основания связывать его с терроризмом?*

- Мусульманство монотеистично, в нем присутствует личностное, деятельное начало. Но в исламе нет Боговоплощения (скорее можно говорить о воплощении «закона», «Книги») и нет нелинейной логики (присутствующей в христианстве как результат осмысления тайны Троицы и природы Христа). В христианстве, впрочем, было свое «мусульманство» – арианство, монофизитство, иконоборчество. Мусульманство, как и иудаизм, деятельно сопричастно в современной цивилизации. В том статусе, которого достигла христианская цивилизация на границе XXI века, – в секулярном мире – все коды бытия стали легитимны. На протяжении предыдущей истории иные мировоззренческие коды активно подавлялись, и в той же христианской культуре мы знаем такие явления как инквизиция. Но здесь это транзитные явления, свойственные скорее культуре, чем конфессии, что и доказывается их отторжением и преодолением. Христианство не принуждает, это пространство свободы, и в данном пространстве сопричастны

деятельные манифестации иного выбора, быть может, наиболее сильным из которых является мусульманство.

С проблемой мусульманства в современном мире сопряжена тема исламизма. Спросите любого мусульманского теолога о связи ислама и террора, и они единодушно ответят, что терроризм не имеет никакого отношения к исламу. Задайте тот же вопрос «общественному сознанию» и оно, не задумываясь, ответит: «Ну, конечно, имеет!». Две совершенно противоположные точки зрения. Определенный ответ на эту загадку можно отыскать, обратив внимание на характерный для XX века процесс – идеологизацию религий, превращение их в идеологии. То есть прагматичное использование внешней «религиозной инфраструктуры» для достижения конъюнктурных социальных, политических, экономических и других земных целей. Этот процесс прямо противоположен секуляризации, религия – точнее ее достаточно внешние элементы – становится оболочкой иных конструкций. Сам же феномен вполне укладывается в карнавальные, эклектичные коды культуры постмодерна, его основа – химеричное, разорванное сознание человека, живущего в современном мире, но пытающегося следовать нормам традиционалистского бытия, принимая, однако, за него квазирелигиозный коктейль, замешанный на политике, идеологии, культурных традициях и суевериях.

Исламизм – форма постмодернистской идеологии. Исламистские квазифундаменталисты – яростные постмодернисты. Доказать это несложно: опрос чеченских боевиков обнаружил любопытные формы мышления. Так, самоидентификация некоторых из них – «суфии-ваххабиты». Для того чтобы понять абсурдность подобного утверждения, его эклектичную, постмодернистскую природу, надо знать, что в мусульманстве есть различные течения, но вот суфизм и ваххабизм это нечто весьма противоположное. К слову сказать, в современной России-РФ вероятно также появление эклектичной, квазифундаменталистской идеологии в ином культурном круге, которую можно, наверное, охарактеризовать как «православизм».

А. Каплиев. *Можно ли выделить сейчас какие-то устойчивые тенденции в развитии инноватики?*

- Производство инноваций – высокорисковое производство. Помимо сложностей, связанных с определенной непредсказуемостью результата, существует также проблема учета контекста, определения параметров запроса на продукцию инновационной сферы. Однако, что считать реальным: текущую ситуацию или прогнозируемое будущее? Вполне разумный ответ: «и то, и другое», но есть тут некоторые сложности с сопряжением различных стратегий действия.

Теоретически возможны два направления инновационной стратегии. Одно – революционное, основанное на принципе преадаптации к условиям, которые еще не существуют, но предполагается, что через некоторое время они обязательно возникнут. Второе направление – связано с уже сложившимися правилами игры, со встраиванием в существующую систему, не претендуя, и не рассчитывая на ее изменение.

С выбором направления некоторым образом связан и класс проектируемой инноватики: революционные изобретения или оптимизационные технологии. Кроме того, первое направление несет массу следствий, поскольку радикальные открытия обладают мощным эхо, они буквально «открывают» (и «закрывают») целые направления дея-

тельности. Альтернативный же стратегический курс имеет тенденцию плавно исключить инноватику из экономики, постепенно сводя ее функции к объемной и перманентной рационализации. При этом, правда, рано или поздно приходится прибегать к мерам социального регулирования, учитывая умножение проблем, связанных с демографией, бедностью, сверхэксплуатацией и т.п.

Естественно, это крайние позиции, маршрут жизни проходит где-то между ними, но нам важно, что не посередине, а с уклоном в одну либо другую сторону. Вопрос: какой из тенденций оказывается поддержка на стратегическом уровне в настоящий момент? Формулирование этих правил игры своеобразный предел экономики, очерчивающий ее текущую и будущую конфигурацию. Чуть ниже расположены технологии, связанные с финансовым регулированием, высокотехнологичным производством товаров и услуг и т.п.

А. Тупицын. *Вы говорите, что инновации в классической сфере с 80-х годов угасают, в какой области можно ожидать их проявление?*

- Инновационный импульс переместился в социогуманитарную сферу, где мы наблюдаем инновационный взрыв в виде глобальных финансово-правовых технологий. Появляется соблазн умозаключения, что вроде бы кризиса и нет, инноватика должна время от времени менять область своего проявления. Рассуждая подобным образом, мы попадаем в ту же логическую ловушку, что и с постиндустриализмом. Если под постиндустриализмом понимать расцвет и индустриальных, и постиндустриальных технологий – это одно. Но если распространение реалий постиндустриализма связано с угасанием индустриальных потенций цивилизации, – а подчас и с симптомами ее деиндустриализации, – то тут совершенно иная ситуация. Проще говоря, расцвет творчества, скажем в сфере информатики, совершенно не оправдывает остановку прогресса в других областях.

Культура инноваций, соответствующие институты и технологии вроде бы сохраняются, но уже отчасти напоминая маскарад. Инновационная энергия меняет природу и действует в пространствах, лишенных прежнего смысла. Сейчас вполне можно говорить о взрыве творческой энергии, о развитии творчества, которое, однако, подчас парадоксальным образом приводит не к освобождению, а, напротив, к сжатию возможностей конкретного человека. В результате в странах Севера развиваются процессы сверхэксплуатации, а для обитателя Юга возникает угроза перманентной маргинализации, исключения из нового формата цивилизации.

Экспансия цивилизации долгое время происходила в «киплинговской» системе координат «Запад – Восток», прочитываемых как пространство экспансии христианской цивилизации. В XX веке данная интерпретация существенно изменилась, стала не столько цивилизационной или культурологической, сколько политической. Где-то во второй половине столетия возникает другая оппозиция «Север – Юг», имеющая скорее социальный характер с определенным привкусом экономизма. В конце же века мы наблюдаем развитие этой системы в глобальную биполярность «Мировой Север – Мировой Юг». Новая структура прямо не связана с географическими регионами. Мировой Север – транснациональное пространство, «слой» глобальных технологий и интерна-

циональных элит (как Севера, так и Юга). Точно также и Мировой Юг приобретает глобальный характер (здесь актуальна тема «варваризации» Севера).

Как все это связано с Вашим вопросом? При изменении целеполагания цивилизации, ее отходе от инноватики (что само по себе симптом чего-то «иного», мутации прежней системы ценностей) возникает ощущение, что «добра на планете много, но на всех не хватит, а со временем будет еще меньше». Следовательно, либо нужно количество обитателей планеты снижать, либо нужно делить их на две весьма неравные группы. Если при предыдущем типе развития шла «эгалитаризация» планеты, то сейчас начинается процесс ее «элитаризации», а по существу – сворачивание прежнего проекта развития, и сворачивание самой цивилизации (по крайней мере, в прежнем понимании). «Декolonизация» при этом приобретает специфический смысл, который ближе, пожалуй, понятию «варваризация», включая «деколонизацию» метрополий.

Неизвестный. *В каких сферах будет разворачиваться борьба за ресурсы?*

- Борьба будет, в конечном счете, вестись за все виды ресурсов. Иерархия же их и степень востребованности со временем изменятся. Ресурсы понятие емкое: интеллектуальные, инновационные, информационные ресурсы (даже социальное время – ресурс) – все это нематериальные, но осязаемые ценности, потребность в которых может возрастать, а предложение сокращаться. Сейчас на первом плане конфликты из-за природных ресурсов: энергоресурсов, пресной воды, тех или иных видов сырья. Однако в геоэкономической конфигурации планеты борьба за ресурсы имеет несколько иную формулу: ее объект – не сами ресурсы, а свобода в их использовании, включая возможности развивать те или иные виды деятельности, само право суверенно распоряжаться национальными богатствами.

Что такое геоэкономическая матрица? Это своеобразная организация социальной среды, система перманентного перераспределения ресурсов на планете и долгосрочного планирования такого перераспределения. Я приведу пример конкретной технологии перераспределения ресурсов цивилизации. В 70-е годы XX века сформировалась система глобального долга, которая, как и всякая инновационная технология, работала вначале в неустойчивом режиме. Было не совсем понятно, что совершит эта «ракета» – полетит, взорвется или произойдет что-то непрогнозируемое. (Скажем, во время первого испытания атомного оружия опасались глобальной цепной реакции). Некоторым аналогом в данном случае была вероятность краха мировой банковской системы, но она устояла. И сейчас – посредством программ структурной адаптации и финансовой стабилизации – осуществляет перераспределение национальных ресурсов в пользу транснациональных операторов.

Инновационные же ресурсы – оружие непредсказуемой силы, даже когда реализуют свой потенциал в мирных отраслях. Но «совершенно мирно» они могут уничтожать и эти самые отрасли. Поэтому неконтролируемые источники инноваций всегда головная боль для глобального планирования.

А. Тупицын. *Что существенное произошло в России для инновационного движения?*

- Возникла личность, которая свободна от идеологического гнета и обладает целостностью внутреннего пространства и пространства социального действия. Это исцеление

личности может иметь далеко идущие последствия. Это – основа. Источник фундаментальных инноваций – личность, тоталитаризм же видит в ней основного противника. Он либо уничтожает ее, либо коррумпирует. В СССР личности были, а социального пространства действия у них практически не было, причем как у тех, кто находился внизу, так и у тех, кто был наверху социальной пирамиды. Сейчас возникло открытое социальное пространство, но оно заметно хаотизировано и подчас недоброжелательно к творческой личности (современный рынок, равно как и бюрократия, не лучшим образом сочетаются с творчеством). А как его организовать, коль скоро речь идет о выстраивании национальной инновационной системы, это действительно большая проблема. Точка зрения на этот процесс различна у разных субъектов действия.

Неизвестный. *Не могли бы Вы в этой связи охарактеризовать роль академгородков и других, подобных им форм организации науки в СССР?*

- Генетически академгородки происходят... от «шарашек», точнее от феномена «закрытых городов», которые в свою очередь ведут свою родословную от «шарашек». Если подходить к анализу эффективности феномена с формальной точки зрения, то особенность «шарашки» заключается в том, что она представляла собой замкнутый цикл полного жизнеобеспечения творческой личности.

В каком смысле? Приезжая, скажем в дом творчества, вы занимаетесь интеллектуальным процессом и при этом не заботитесь о бытовых нуждах, о еде и т.п. Шарашки, безусловно, это не «дома творчества». В нематериальной сфере бытия тоже кое-что было отсечено: личная свобода и личная жизнь человека были в значительной мере сокращены. Одновременно были выведены за скобку отношения с семьей, усилия по карьерному росту и т.п. Вся сумма деятельности в результате сосредотачивалась на профессиональных достижениях. В каком-то смысле корни у подобной конструкции еще глубже – мы ведем речь о насильственном, извращенном прочтении монастырского образа жизни...

Интересно отметить, что в европейском мире феномен монастырской культуры является родоначальником не только университетов (своего рода «городских, светских монастырей»), но частично также просветительской и изобретательской деятельности в целом. И даже современная корпоративная культура может найти в этом феномене некоторые из своих истоков.

В шарашках и наукоградах мыслительная энергия творческой личности последовательно концентрировалась вокруг какой-то одной проблемы. Человек оказывался в ситуации частичной депривации, т.е. в тех условиях, когда обычный человек начинает скучать и тупеть. Но что происходит, когда творческий человек получает столь узкий диапазон возможностей для реализации своей деятельности? Реальный режим шарашек, может и был не вполне хорош для поисковых, общетеоретических проблем, когда внутренняя свобода является императивом, когда нужна полифония впечатлений, какие-то значимые нюансы, включая личную жизнь, дающую светскому человеку – все же таки не погруженному в молитвенную практику и аскезу – дополнительные импульсы и энергичность. А вот при решении технологических проблем, когда перед исследователем поставлена конкретная задача и от него ждут лишь оптимального ее решения,

этот механизм срабатывал. И весьма эффективно. Шарашка представляла собой мышеловку широкого спектра инженерных идей.

Почему я начал с описания условий работы именно в шарашке? Чтобы увидеть базовую схему функционирования наукограда, т.е. инновационного пространства, живущего в режиме «понедельник начинается в субботу». Модель, которая доказала свою эффективность вне зависимости от причин, приведших к ее воплощению.

Феномен развивается порой достаточно независимо от начальных причин своего появления на свет. Разделение жизни на творческую и бытовую, попытка создать особую экологическую нишу, обеспечивавшую максимально благоприятные условия для профессиональной активности, – причем не просто за счет снятия проблем быта, но и в результате создания специфической социальной среды, творческой атмосферы – все это составило квинтэссенцию социогена «закрытых городков» (плюс, конечно же, обеспечивало режим секретности). Дальнейшее развитие данного феномена привело к реализации идеи Академгородка, уже как творчески и социально открытого пространства, свободно общающегося с большим социумом, но остающегося при этом все же достаточно автономной структурой.

Подобный организм потенциально был способен конкурировать с другими формами организации социопространства, причем с весьма дальним прицелом. Возможно, это был неопознанный передовой рубеж, *high frontier* социального развития России-СССР. Во всяком случае, в атмосфере 50-60-х годов, характеризовавшейся общим творческим оживлением, данный вектор был весьма выразителен. Следующим логическим шагом могла стать масштабная трансформация сложившихся форм интеллектуального производства – перенесение акцента на создание при столичных и областных центрах своеобразных «городков Солнца» – образовательно-исследовательских конгломератов (по типу западноевропейских и американских кампусов). Иначе говоря, если бы данный ген социального проектирования продолжал развиваться, то с какого-то момента начались бы трансформация и «обустройство» всей страны.

Возникавшие время от времени в русле этих идей проекты расценивались, однако, или как чудачество, или как опаснейшая ересь. Единственной, правда, усеченной формой реализации данного направления социопроктирования стало создание Зеленограда под Москвой (не считая особого случая Звездного городка). На мой взгляд, в подобных попытках проявлялись подспудные токи актуального и универсального процесса – выхода на поверхность «нового класса», который в те самые годы шел к впечатляющей социальной реализации и власти в развитых странах. Логика процесса также вела к созданию таких «локомотивов будущего», как, к примеру, Силиконовая долина.

В сущности, именно в разраставшихся инновационных пространствах следовало искать ответы на вопросы стратегического развития России. Здесь чувствовался нерв жизни, естественное продолжение той исторической логики, которая была заложена еще в «большом инфраструктурном прыжке» ГОЭЛРО, а затем – через развитие интеллектуальных и проектных систем – вела к становлению и экспансии постиндустриальной среды. В инновационных пространствах вызревали не только интеллектуальные системы и сложная машинерия, но также социальные концепты вероятностных модификаций общества. Их наличие было не столь уж очевидно, но алгоритм процесса предполагал реализацию следующей фазы – оплодотворение стагнирующего социума,

переход к инфраструктурному обустройству постиндустриальной формы цивилизации, прочитанной, правда, в своеобразных прописях «инженерной утопии».

Иначе говоря, начал прорисовываться контур социальной конструкции, отчасти напоминая проекты, о которых писал еще Платон в «Государстве», и к чему, как это ни парадоксально прозвучит, вела также внутренняя логика марксизма («становление науки как непосредственной производительной силы общества» и, соответственно, «новый класс», а не пролетариат в качестве гегемона общества).

В данном процессе можно почувствовать также привкус идей «локальной самоорганизации» в широком диапазоне от Кропоткина и Чаянова до израильских киббуцников и западноевропейских коммунитаристов. А под определенным углом зрения – увидеть самостоятельное цивилизационное измерение, прочертившее ментальный и социальный горизонты человечества, начиная от идей Платона и Кампанеллы вплоть до новейшего антиглобалистского эксперимента в Порто-Алегре.

Но вернемся к наукоградам.

Еще одно проявление подобной формы социальной организации – синергичный эффект от общения людей, имеющих общие интересы и целеполагание (здесь можно провести дополнительную параллель – с традиционными кампусовыми структурами). Парадоксальную роль сыграл даже режим секретности: невозможность обсуждать собственный узкий спектр задач нередко приводила к расширению контекста общения при сохранении внутреннего фермента конкретной нерешенной задачи. Складывались более благоприятные, нежели в «большом социуме», условия для развития культуры. В подобном взаимостимулирующем, энергичном пространстве общения «большие проекты» решались гораздо успешнее, нежели при привычном образе жизни в обычном городе (к тому же с головой, занятой массой бытовых проблем при не слишком-то обустроенной жизни в Советском Союзе).

К. Митчин. *Можно ли тут проводить аналогию с экспериментами по депривации?*

- Я, кажется, понял смысл этого вопроса. Тут многое зависит от типа личности. Для одного типа личности депривация ведет к негативным результатам, при продолжительной депривации значительная часть людей тупеет. А иной человек демонстрирует успешный фазовый переход, усиливая свое личностное начало. Но проблема депривации имеет отношение, скорее, к семейству шарашек, нежели академгородков, где данное специфическое пространство развилось во вполне полноценный формат жизни. Тут, скорее, было бы уместнее говорить о добровольной аскезе...

Впрочем, при анализе данного явления обнаруживается некое «второе дно», социальный подтекст, связанный с фундаментальными различиями в базовых кодах социальной организации, дихотомии «доминантно-открытых» и «доминантно-закрытых» социоструктур. Первый тип социальных организмов ориентирован на поисковую активность и развивает специфичность в механизмах отношений с окружающей средой, второй – ориентирован на безопасность и стимулирует развитие преимущественно интегральных, неспецифических защитных механизмов. В результате мы имеем две модели общественного устройства: «европейскую» и «азиатскую». Реальные сообщества носят все же изотропный, голографичный характер, совмещая черты обеих моделей,

хотя всегда в асимметричной пропорции. В сущности, так устроены все сложные системы, включая и такой сверхсложный объект, как человеческий мозг.

К. Митчин. *Насколько я помню, в результате экспериментов по сенсорной депривации у человека появляется масса различных образов, его мозг начинает производить различные картины, имитируя появление тех или иных сигналов. За счет всего этого есть риск исказить психику.*

- Всякий психологический инструментарий может быть деструктивным по отношению к психике. Сенсорная депривация – сильнейший инструмент. Эффект от его технологически продвинутых форм исследовал, к примеру, Джон Лили, работавший со своего рода «депривационной камерой» – «баком» (*tank*). Камеру наполняли жидкостью, человек надевал подогреваемый гидрокостюм и на какое-то время оказывался в ситуации максимальной сенсорной депривации. Люди, как правило, теряют при этом чувство времени и, случается, переживают необычные состояния психики, включая галлюцинации и трансцендентные состояния.

Вчера я говорил об искусстве как необходимом компоненте полноценной творческой, инновационной деятельности. Искусство – своеобразная «суббота» в суе повседневности, это мягкая форма депривации от быта и структур повседневности. И в данном состоянии люди проявляют себя очень по-разному: достаточно сходить на симфонический концерт, чтобы в этом убедиться. Ведь в чем смысл субботы? Бог шесть дней творил мир. На седьмой Он отдыхал, потому в субботу запрещалось создавать и разрушать. Это совершенно особое состояние для деятельной натуры.

Созданные на данной основе методики оказываются действенными также в прикладных аспектах. Человек в подобных условиях способен радикально пересмотреть какие-то существенные скрепы бытия. Как собственного, так и имеющего отношение к той или иной проблеме. Скажем, в некоторых НИИ практиковали «инкубатор», куда по лотерейному принципу попадал сотрудник, пришедший в институт с целью напряженно поработать целый день. Инкубатор представлял собой обычную комнату, где сотруднику предлагалось весь день... ничего не делать. Даже записывать пришедшие в голову идеи и мысли порой было запрещено. Никакого конкретного результата от него не ждали. В 99% случаев ничего существенного для рабочего процесса и не происходило, но в 1 случае из 100 подобное «сидение в инкубаторе» приносило интересный качественный результат. Это мог быть фазовый скачок в ходе исследования, новый взгляд на решение серьезной проблемы и т.п.

В какой-то мере это объясняет нам несколько экстравагантную формулу, которую любил употреблять Эйнштейн, говоря, что Моцарт дает ему больше, чем Гаусс. И он же всю жизнь занимался музыкой (игрой на скрипке). Фундаментальная инновация есть частный случай развития самого человека.

А. Тупицын. *На мой взгляд, проекты с наукоградами быстро достигли своего предела. И многие историки науки фиксируют это следующим образом: когда собирают молодых, энергичных, талантливых ученых в замкнутое и однородное пространство, то создается ситуация «тромб», когда более молодые не могут пробить себе дорогу. И не включаются в механизм ротации, в том числе карьерной. А выйти некуда – замкнутое пространство. И, по всей видимости, в Новосибирске в Академгородке про-*

изошло именно это. Когда стало ясно, что кандидаты наук быстро защитили докторские, получили статус, квартиру и т.д., для молодых не осталось места. Все это превратилось в итоге в очень сложную коммунальную проблему. Попыткой расшивки такой проблемы было введение в контекст образовательных структур с целью перевести этих людей из одной иерархии в другую, как бы задать для них другое жизненное измерение. Мало что из этого получилось, но это уже тема для другого обсуждения.

С. Розмирович. *Насчет наукоградов. Я ребятам забрасывал мысль, что, на самом деле, это была попытка брежневских времен создать изменение, ничего не меняя. С одной стороны, было понятно, что нужно отвечать на вызов Запада. С другой стороны, менять систему было страшно, и просто не хотелось. И в этом смысле, выделение островков хай-тека внутри советского болота временно решало ситуацию. Создавался архипелаг постиндустриализма. Но они об этом не думали. Они думали, как это локализовать, чтобы, не дай бог, не разрушить все систему новыми идеями. Они локализовали их внутри научных городков. Поэтому следующим шагом либо эти городки должны были разрастаться, захватывая всю Россию. Либо закупориваться. Тоже самое было – попытка создания знаменитых НПО. Также ничего не меняется, однако появлялся замкнутый контур, внутри которого эти инновации, эти новые знания каким-то образом утилизировались. Не выходя за пределы самого замкнутого контура.*

А. Тупицын. *Я хотел бы озвучить еще одну ремарку. Здесь есть интересный момент, связанный с эффектом отсроченного действия. Потому что, когда можно было перейти от структуры единичных наукоградов к некой сети, к системе технополисов, началась перестройка и пошла понижительная волна цикла. Сейчас на десять лет ситуация законсервировалась. Но все-таки произошла интересная вещь. Раньше в городе было понятно, какой процесс базовый, а какой обслуживающий. Базовый был – наука и создание технологий, а обслуживающим – городское хозяйство. Когда же началась перестройка, мэром выбрали представителя науки. За четыре года в домах не осталось ни одной работающей батареи, ни одного работающего лифта. Тогда маятник качнулся в другую сторону, – выбрали хозяйственника. Он починил все, что можно, построил дороги, но ученые просто взвыли. Там сейчас жуткий конфликт. А Пущино очень демократичный город, мэр выбирается из 13 членов городского совета. Мы участвовали как наблюдатели в последних выборах, когда сложилось две равных партии. Четыре человека со стороны науки, четыре со стороны ЖКХ, остальные – разрозненные люди. В результате выбрали человека, который не представлял интересы ни одной из групп. Он находится в сложной ситуации, потому что, даже если начнется фаза подъема, продолжать прежний проект нельзя. И в этом смысле, базовый вектор развития оказался подорванным, и совершенно не понятно, что с этим делать.*

- Вообще, тема наукоградов весьма многозначна, она интересна и как вариант «иноного», которое было дано, но не было реализовано. Вместо «нового класса» к власти в России-РФ пришли «новые русские». Вопрос, правда, в том, насколько они «новые», т.е. не являются ли по большому счету жизнеспособной мимикрией прежней номенклатуры, свойственной ей среды и методов управления.

Предмет этот напрямую связан с заявленной темой лекции. Здесь мы выходим на проблемы, которые сейчас широко не обсуждаются, но имеют каркасное значение. Речь идет о путях и целях социальной трансформации. Одно дело – трансформация в

сетевую культуру, в динамичный архипелаг интеллектуальных *hub*'ов, в своеобразный фермент инновационного роста всех сторон жизни. Это был путь преадаптации к неизбежности перемен за счет «ячеистого» строительства элементов гражданского общества в не слишком благоприятной среде. При реализации данного сценария в стране складывалась бы к «моменту истины» перестройки жизнеспособная и конкурентоспособная социальная альтернатива. И на волне социальной революции (а это был, конечно же, революционный процесс) произошла бы революция политическая и экономическая, в результате которой в России к власти пришел бы новый класс.

И, конечно же, все это было неприемлемо с точки зрения той части номенклатуры, которая находилась у власти. Ибо, явно не обладая стратегическим мышлением, она не видела для себя места в данном процессе, не видела «иного» пути развития, т.е. была неконкурентоспособна с точки зрения прорыва страны в будущее. Но часть ее оказалась вполне конкурентоспособной в смысле борьбы за продление своего существования, борьбы за выживание в изменившихся условиях.

В результате стратегический горизонт развития страны, ее *high frontier* в значительной мере так и осталась потенциальной «российской мечтой». А на практике реализовалась химеричная трансформация общества, позволившая за счет распада и частичной архаизации (а также коррупции части «нового класса») создать из национально-го организма подобие трофейной экономики, продлив тем самым «прежнему классу» привилегированное положение. Это, отчасти, напоминает мне феномен деколонизации с более-менее плавным переходом к постколониальной модернизации, но уже в арьергарде социального развития мира. Российский «новый класс», в целом, потерпел в годы перестройки и постперестройки стратегическую неудачу, что сказалось также на формуле существования остального мира.

С. Розмирович. *Академгородки и были оплотом диссидентства.*

- Но что получалось? Когда в стране происходила реальная революция, то наиболее мобильными группами населения, которые обладали навыками коллективной деятельности, оказались партхозноменклатура и связанный с нею криминалитет. Поэтому они быстро заняли определенные институциональные позиции. Поэтому у нас в итоге сложилась химеричная, «постколониальная» система, где криминальная волна слилась с разнообразными модификациями прежней номенклатурной сети (через комсомольско-партийную номенклатуру второго разряда, работников спецслужб, «старых» хозяйственников) и частью коррумпированного «нового класса», которые вместе и превратились в новых олигархов. Это реальный социальный ландшафт, который мы имеем.

Все это затруднило приход к власти представителей «нового класса». Затруднило, но не остановило.

Диссидентство в целом не выражало, а лишь «отражало» интересы российского «нового класса». Целостный класс, связанный со становлением постиндустриальной реальности, не успел сложиться в стране и осознать себя влиятельной национальной корпорацией. Отсюда торжество частного интереса и нынешняя утрата национальной (и, кстати говоря, также транснациональной) перспективы России.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА

Н. Трунова: Александр Иванович, я коротко расскажу, с чем связаны мои вопросы: с момента опубликования доктрины развития Северо-Запада прошел определенный период, в течение которого в регионах появились собственные стратегические разработки, а в четырехлетних программах развития (губернаторских) позиции, непосредственно связанные с доктриной. Так родилась идея рассмотреть все эти концепции на предмет их реальной стратегичности. Однако, занимаясь данной работой, я поняла, что критериев по большому счету как бы и нет.

Реально существует два формата документов: (а) ориентированные на альтернативные образы будущего и динамичные контексты; (б) «замкнутые на себя» программы развития. Можно сказать, что первые работают с процессом **развития**, а вторые, более шаблонные, связаны в основном с процессом **воспроизводства**. Что, однако, не отменяет их стратегичности. В связи с этим у меня возникло два вопроса:

- на основании чего можно установить стратегия это или нет, по каким элементам и блокам можно пытаться это определить;
- и второй, связанный уже с региональными стратегиями – какие факторы или условия должны быть учтены для фиксации их стратегичности?

Во многих стратегиях важным фактором является, к примеру, географическое или геополитическое положение. И это, на мой взгляд, один из возможных критериев оценки. Вторым фактором могла бы стать оценка ресурсов, потому что цели могут быть поставлены наполеоновские, а на деле ресурсов для их реализации не оказаться. Пример с Калининградом: в «Модели развития – 2001 года» говорится о необходимости развивать туристический бизнес, хотя на деле лишь один сайт в Интернете рекламирует базы отдыха Калининградской области, а земли, годные для развития туризма, уже скуплены, но для совсем других целей. Так что момент реалистичности в стратегиях тоже, наверное, должен присутствовать.

А. Неклесса: Здесь я услышал для себя два вопроса: Первый касается критериев стратегичности, второй – ее наполнения. Под стратегией до сих пор понимаются достаточно различные коды действия, и мнения относительно ее содержания существенно разнятся. Ее генезис проистекает из динамичного искусства войн (явных и тайных) и познанных принципов ведения «большой игры».

Но при этом возникает весьма распространенная ошибка – смешение стратегии и политики, хотя подчас, действительно, это сложно расчлняемые понятия. Мне, однако, кажется, что причина подобного неразличения в значительной мере психологического свойства. Само слово «стратегия» любят употреблять как обладающее более высоким статусом, как «более красивое». Может быть именно поэтому, читая современные документы, сплошь и рядом сталкиваешься с тем, что политика называется стратегией. В чем все-таки разница? У стратегии – иной масштаб («стратегия – умение мыслить масштабно») и три специфические составных части:

1. Первая из них, лежащая, в общем-то, на поверхности, – *целеполагание*. Но в отличие от политики, именно скорее целеполагание, чем целедостижение.

Политика тяготеет к целедостижению, она занимается мерами, необходимыми для достижения некой цели, которая, однако же, задается не ею. Конечно, и в политике прописана своя цель, – но акцент сделан все же на методах ее достижения, а не на самом целеполагании. Иначе говоря, у стратегирования иная конфигурация, другая доминантность, для нее самое существенное – верно определить цель и общий путь к ее реализации (цель должна находиться в поле возможностей и одновременно трансцендировать их конвенциональность). То есть речь идет не о конкретных алгоритмах достижения цели в той или иной ситуации. Мы, конечно же, привыкли, что в стратегии прописаны пути ее реализации, но, вообще-то говоря, это следующий «этаж», который и называется политикой.

Что же касается других составных частей стратегического комплекса, то им нередко вообще не уделяется должного внимания, поэтому ряд формальных стратегий, с моей точки зрения, реальными не являются. И об этих важных компонентах следует порассуждать чуть подробнее.

2. Один из ключевых элементов стратегической головоломки – определение *релевантного контекста*. Это не менее серьезная задача, чем определение цели, потому что правильное решение первой части невозможно без второй. Попробуйте определить местоположение некой географической цели и поразмышлять над выбором маршрута к ней, не имея хоть каких-либо карт.

Чтобы действовать стратегически, необходимо представлять круг закономерностей, проявляющихся в событиях и способах мышления людей. Описание релевантного контекста, однако же, сложнее, чем кажется на первый взгляд, потому что есть: (а) контекст известный, (б) контекст актуальный и (в) контекст грядущий, еще только складывающийся. И если данная многослойная формула осознается, хотя бы на интуитивном уровне, – уже хорошо. Однако гораздо чаще систему целеполагания выстраивают в рамках «сложившегося контекста», что подчас означает – в рамках устаревшей и потому ущербной картины мира, с учетом уже не существующей реальности (и без учета новых влиятельных факторов). Надо, правда, отметить, что в ряде ситуаций все это особой роли не играет, например, в тех случаях, когда среда инертна.

Но мы, как я понимаю, обсуждаем сейчас стратегирование в социальной сфере (в широком смысле этого понятия, включая и политическую и экономическую проблематику; т.е. понимая социальность как интегрирующее понятие). И в этой динамичной области человеческой деятельности знание еще непознанного, но реального, а еще лучше – становящегося, грядущего контекста, весьма актуально.

Среда обитания современного человека – динамична, условия практики – изменчивы. Актуальный контекст частично прописан, частично нет. Степень новизны тех или иных его элементов нередко уясняется непосредственно из практики, порой ценой жестоких уроков, нечто же постигается заранее, на основе профессионального опыта и интуиции, что-то на основании оказавшемся состоятельным прогноза. Причем хорошо схваченный актуальный контекст имеет специфический, не слишком приятный оттенок, – он носит синтетический, не полностью отрефлексированный, «химический» ха-

ракти (и это его достоинство, а не недостаток). Когда предлагают две прописи, отражающие текущее состояние дел: одну – гладко прописанную на основании солидных источников, а другую – представляющую несколько клочковатый текст, наполненный заусенцами неустоявшегося опыта, – то вторая модель на практике являет собой большую ценность, что бывает, к сожалению, совершенно не очевидно и осознается лишь впоследствии.

Сложившийся и хорошо прописанный контекст – лишь платформа, «поле» развертывания некоторой ситуации. Тут возникает проблема опознания изменившегося, но пока еще не формализованного положения вещей, а также проблема работы с поступающей информацией. Однако вот еще один парадокс: для стратегирования информация подчас является не благом, а своего рода гириями. Все дело в критериях ее оценки, которых, если вдуматься, у нас в подобной ситуации острый дефицит (если дело касается реальной новизны).

Опираясь с вполне солидными источниками, описывающими те или иные элементы релевантной ситуации, мы вполне можем впасть в ошибку, познавая контекст, который на деле не существует. Потому столь важна фигура эксперта не только с его профессиональными знаниями, но также обладающего «живым опытом» – межсистемной, интердисциплинарной «ориентацией на местности», выраженной профессиональной интуицией. И одновременно – наличие некоторого фундаментального инструментария, не слишком подверженного ветрам перемен. Так что получение сведений и их анализ – два разных искусства и достаточно различные сферы деятельности (цена пониманию этого факта порой оплачивается гибелью государств, не говоря уже о фиаско их систем стратегической разведки).

Но наиболее сложен для моделирования третий вид контекста – становящийся, гипотетичный; его познание и учет связаны с важнейшей темой преадаптации, здесь же ограничимся лишь указанием на высокую ценность уяснения его существа и хотя бы некоторых пропорций.

3. Третья позиция стратегического комплекса – определение *субъекта стратегии*. Подчас, излагая данную позицию, видишь на лицах недоумение: субъект кажется естественным и вполне определенным компонентом стратегии. И это действительно так, точнее, должно быть так, но на практике далеко не всегда бывает верно определено в тексте стратегии, из-за чего впоследствии возникают совсем не простые коллизии.

Я попробую пояснить то, о чем говорю, на близком Вам примере. Когда речь идет о стратегии Северо-Западного региона, я могу задать «детский» вопрос: «А простите, что это такое в смысле субъектности?» Потому что можно насчитать полдюжины субъектов, которые равно значимы в данной позиции: например, представитель президента, лицо, безусловно, выражающее интересы округа, но интересы, прочитываемые с точки зрения федерального центра. Это одна позиция. Другой потенциальный субъект – сумма интересов руководителей областей (причем различная в различных ее конфигурациях), понятно, что у них может быть иное целеполагание. Далее – бизнес-элита региона, ее корпорации – еще более сложное образование, к тому же вряд ли преследующее единые цели. Она, тем не менее, также субъект стратегирования, и даже может создать собственный, альтернативный орган по стратегированию, а интересы ее могут лежать в широком диапазоне от «регионального патриотизма» до предпочтения транс-

национальных схем развития. И согласитесь, бизнес-элита в своих различных ипостасях не является прямо заявленным, очевидным, лежащим на поверхности субъектом стратегии региона. Наконец, – население округа, имеющее собственные интересы, а значит и свое прочтение стратегии. И так далее.

Уверяю Вас, на каждой из этих позиций нас ждут дополнительные сюрпризы. Но в данном случае мы разбираем не систему стратегирования Северо-Западного округа, а теоретическую проблему. Таким образом, третья, причем наиболее неочевидная позиция – определение субъекта стратегии. Надо сказать, что на практике это всегда несколько двусмысленное понятие, потому что, если кто-то заказывает стратегию, то стратегия, как правило, и делается для него, а это может иногда расходиться с формальной прописью. Или же работа может быть выполнена буквальным образом, и тогда результат может разойтись с интересами непосредственного заказчика.

– Действительно, это важная проблема. Корпоративные стратегии, если они есть – в основном закрытые. Так называемых населенческих, – просто не существует. А то, что выдается за региональные стратегии...

– Это в основном версии корпоративных...

– Трудно не согласиться. Мой вопрос заключается в том, каким же образом можно увязать интересы разных субъектов при смене масштаба. Может ли подобный, интегрирующий различные интересы субъект быть искусственно создан? На Северо-Западе была попытка создать такого гомункулуса – своего рода тройственный союз бизнеса, власти и населения. Удалось это или нет – мнения разнятся. Но каким образом, за счет каких действий эту коллективную субъектность потом удерживать?

– Путь Вы уже наметили – это корпоративные стратегии, но в другом смысле, нежели в предыдущем рассуждении. Здесь ключевое слово – консенсус – понимаемый как «собираание интересов». Трудность, которую придется при этом преодолевать, может быть обозначена как проблема «лебеда, рака и шуки». То есть должен быть доминирующий социальный субъект, «региональная корпорация», которая в разработке и реализации стратегии заинтересована больше, чем другие субъекты.

Второе, о чем хотелось бы сказать, – удержание реалистичности стратегирования, потому что, когда все эти материи увязываются лишь на формальном уровне (на основе теории игр и так далее), то подчас возникают совершенно тупиковые ситуации. Особенность же социальной деятельности – императив сохранения динамической целостности системы, купирование социальных разрывов, особая конструктивность, проявляющаяся, в частности, в феномене «дьявольской альтернативы»...

Единство легко достигается в мобилизационной ситуации, когда создавшееся положение чревато общей деструкцией и у субъектов есть веская причина совместить свои интересы в деятельный консенсус. Сложнее приходится в ситуации изобилия или неопределенности: у каждого из субъектов своя правда и свой горизонт поисковой активности. В сущности, мы имеем нечто, отдаленно напоминающее синергию левого и правого полушарий мозга, где тоже актуальна проблема выработки единой стратегии действий (и своя типология фундаментальных неудач – например, шизофрения).

То есть здесь с точки зрения стратегического анализа присутствуют два компонента – выявление объективных интересов и выделение обобщающей доминанты. Вместе оба компонента дают стратегию, а частности, вырванная из этого контекста, дает что-то другое. Чаще всего в этом случае сталкиваешься с той или иной формой частной политики – с системой мер по обеспечению достижения какой-либо автономной цели.

Сама материя социального аспекта стратегирования чем-то нам помогает, а не усложняет ситуацию, поскольку на социальном материале все же чаще проявляется конструктивность действующих субъектов (что с формальной точки зрения совсем не обязательно). По крайней мере, так было, хотя можно смоделировать и иной социальный космос, ориентированный на деструкцию. В конструктивном же космосе всегда можно находить баланс интересов с выделением консенсусной доминанты. На этом, кстати говоря, базировалась такая стратегическая формула международных отношений как «равновесие страха». И то, что в настоящее время доктрина сдерживания становится неэффективной, наводит на серьезные размышления...

– Александр Иванович, если позволите, следующий вопрос как раз по расчленению этих понятий политики и стратегии. Потому что политика-то как раз ассоциируется с "видением" субъектов друг друга...

– Конечно, я практически не рассматривал политику: у политики, безусловно, есть свое специфическое поле – коммуникация между субъектами в том числе...

– В каком тогда соотношении находятся стратегия и политика?

– В самом непосредственном, поскольку стратегия – это ген, а политика демонстрирует, скорее, свойства генома. То есть стратегия погружена в политику, выполняется средствами политики и сосуществует с политикой в достаточно неразрывной связи. Стратегию нельзя реализовать без политики, я бы даже сказал, без политик. Потому что стратегия обычно опирается не на одну политику, а на ряд типологически различных, но очень взаимосвязанных политик. Это и «политическая политика», и экономическая, и культурная. Но стратегия при этом одна, хотя политик много – действуют то они во взаимосвязанном, синергетичном единстве, интегрируя интересы субъектов, учитывая актуальный и выступающий контекст, и в данной среде, выстраивают некое особое целеполагание.

– У меня еще один важный вопрос – про методы видения будущего.

– Это специальная тема, но если попытаться коротко ответить, прогностика – специфическая наука и одновременно искусство. Искусство, понимаемое как искусность, мастерство, технология. Существуют различные методы прогнозирования, причем их различие весьма велико.

Наиболее простым и в то же время наиболее распространенным методом является инерционное прогнозирование, которое, однако, крайне неэффективно в современном мире. Инерционное прогнозирование основывается на имеющемся опыте, оперирует проявившимися трендами, экстраполирует их на будущее, т.е. носит эмпирический характер. Полученный подобным образом прогноз, как правило, разваливается при первом же качественном изменении ситуации (не количественном, а именно каче-

ственном). Потому что прежние тенденции ломаются, возникают новые влиятельные реалии, реализуется та или иная бифуркация. Однако в более-менее статичной среде метод этот весьма эффективен.

Какие альтернативные виды прогнозирования нам известны? Существует концептуальное прогнозирование. Попытка представить едва обозначившиеся, качественно иные горизонты как некоторую целостную картину, вычленив в ней принципиальную новизну. Метод этот является своего рода гипертрофированной реакцией на провалы инерционного прогнозирования, но это не прогнозирование в чистом виде, а, скорее, концептуальная разведка.

Кроме того, существует вид прогнозирования, которое называется нормативным. Его можно описать как *«активное представление будущего»*. В России, впрочем, этот вид хорошо известен. На Западе оно активно разрабатывается где-то с 60-х годов, хотя ведет родословную еще от марксовской ремарки о том, что ученые ранее объясняли мир, теперь же его необходимо преобразовывать. В сущности, это и есть идея планирования будущего. Для нас она слишком привычна и понятна, потому что планирование будущего было своего рода социальной нормой в СССР. Но с 60-х годов огромный интерес к данной теме возникает и на Западе: Эрих Янч разрабатывал ее, ряд институтов, включая Римский клуб, также взялись за эту тему. В чем специфика подхода? Выстраивание алгоритма не от настоящего к будущему (что, кстати, снимает трудности инерционного прогнозирования), а прогнозирование от будущего к настоящему.

Предельный вариант подобного прогнозирования – применение матричных технологий, которые занимаются не выстраиванием тенденций, а организацией среды, в которой те развиваются. То есть технологии формируют «дружелюбную» среду, в которой будут реализованы определенные тенденции.

Но и это еще не все. Пожалуй, самая любопытная ветвь прогнозирования – структурное моделирование, которое исходит из идеи познания целостности, внутри которой развивается тот или иной процесс. То есть, если вы представляете структуру некоторой конструкции в ее предельной полноте и правильно определите своё в ней положение, то сможете спрогнозировать грядущую ситуацию без особых затруднений относительно качественных переходов. Это настолько вызывающее заявление, что требует пояснений. Все проблемы, связанные с размытостью концептуальной разведки – я уже не говорю о дефектах инерционного прогнозирования – здесь все эти проблемы в значительной степени снимаются, поскольку, если у вас есть целостная модель, то есть и маршрут, просто он не прописан. Реальная сложность лишь в одном – правильно определить сроки.

В каждом методе прогнозирования есть свой набор достоинств и недостатков. При инерционном прогнозировании не возникает особых сложностей с определением сроков, а при структурном моделировании время оказывается словно бы выведенным за скобку, не существует. То есть мы видим общую историческую конструкцию и запечатленную в ее морфологии динамику, но никак не «хронометрированную». Ее скорость мы определяем в каждый конкретный момент, соотносясь с событиями. Несмотря на очевидные недостатки, данный инструмент весьма эффективен в турбулентных условиях, позволяя заранее определить перспективную тенденцию и картографию проти-

воположного берега в момент нарастания турбулентностей. Можно также сказать, чем радикальнее ситуация, тем острее нужда в подобном инструментарии.

– *Правильно ли я понимаю, что в структурном прогнозировании смена масштаба ничего не означает для образа будущего?*

– Структурное моделирование – это прогнозирование с широчайшим «горизонтом прогноза», прогнозирование «сверху вниз», и степень человеческой свободы проявляется здесь, скорее, в области определения сроков, нежели форм и содержания. Отчасти все это напоминает ситуацию с нормативным прогнозом, где вектор процесса направлен от будущего к настоящему, здесь же он прочерчен от идеального, вневременного к конкретному, существующему. Фокус при этом, правда, меняется: локальное прогнозирование становится наименее четким, зато понимание основных трендов, понимание соотношения этих трендов, близости и отдаленности качественных переходов относительно определенных ситуаций схватывается лучше.

Но, мне кажется, важнее понять другое – эффективное прогнозирование строится с использованием *всех* вышеописанных инструментов. Именно умелое совмещение инструментария позволяет снимать бремя недостатков и увеличивать влияние достоинств. Все это достаточно виртуозная работа, потому что мы, по сути, создаем прогностическую химеру, инструмент, пользоваться которым непросто: здесь есть определенная доля науки, поскольку имеется формализованный метод, строятся модели, сценарное древо событий... И одновременно – мера искусности, умение сочетать все эти элементы в эффективном результате.

Человек выступает здесь в двойном качестве: как профессиональный инструмент и как «классический наблюдатель», влияющий на ситуацию. То есть оператор становится составной частью системы, хотя на практике эту роль чаще выполняет заказчик. Причем помимо практически неизбежного политического ангажирования в той или иной форме, заказчик определяет также формат прогноза. Из чего делается вывод, на каком уровне будет решаться ситуация, в какой степени будут привлекаться различные средства, на какую временную точку будут выводиться тренды и т.п.

– *Каким образом можно "подсчитать" эффективность подобной деятельности, и каким образом удастся отследить результат?*

– Если вы занимаетесь этим в качестве искусства, то есть, если это стало вашим занятием для каких-то внутренних целей...

– *Разрешите я поясню: сначала Вы выделили три момента – целеполагание, описание контекста и формирование субъекта, или позиционирование. Правда, можем ли мы подменять "субъективирование" на позиционирование – не уверена.*

– Специфика этого интеллектуального занятия – стигмат всех социогуманитарных дисциплин: та или иная мера субъективности, персонализма, а подчас и конъюнктурности – т.е. выстраивание работоспособной системы, применительно к конкретной задаче. У нас есть определенный инструментарий, но он применяется каждый раз по иному. Иначе говоря, есть рабочий инструментарий, но нет классической рабочей схемы – это заметное отличие от предыдущих научных и технологических разработок: в социальном

пространстве вы действуете в соответствии с социальным заказом, то есть заказ в определенном смысле выстраивает архитектуру решения задачи.

Раньше это решалось по-другому. Было, скажем, некоторое знание, например, инженерное знание, и система проектировалась безразлично к конкретной ситуации. А сейчас вы выстраиваете конструкцию, применительно к определенному запросу в области социогуманитарных дисциплин. Или это ваше личное искусство...

– Я пытаюсь для себя выделить еще несколько блоков в стратегировании. Например, мониторинг – является ли он одним из элементов стратегирования или нет?

– Нет, мониторинг – это действие информационного толка, то есть мониторинг дает вам определенные данные, для того, чтобы определить состояние пространства стратегирования, картину процесса. Но иногда, как уже говорилось, информация может вредить, а не помогать. Потому что, если вы работаете с трендами, приближающимися к бифуркационным состояниям, то информация даст сведения лишь о том, что грядет переходная ситуация, но вас же всерьез интересует не данная констатация, а будущее состояние системы, характер ее связей после перехода – и здесь мониторинг предыдущей ситуации может порой только навредить. То есть мониторинг – это не базовый элемент, а лишь один из инструментов.

Но опять же повторю, существуют различные виды прогнозирования и стратегирования. Если речь идет о процессе в инерционной системе, то мониторинг существенно облегчает систему оценок. Однако сейчас интеллектуальным вызовом является успешное прогнозирование и стратегирование в нелинейных условиях. Чтобы не усложнять разговор, я оставил за бортом детальное описание проблем социальной турбулентности, весь инструментарий синергетики, но он прямо встроен в структурное моделирование. Управляемый хаос – важная проблема современности, но это уже область конкретного рассмотрения тех или иных социальных состояний и переходов.²

– У меня два последних вопроса на понимание: первый о различии стратегического управления и программирования, потому что слишком часто понятия эти рассматриваются как синонимы, и второй вопрос – с какими трендами, искусственными или естественными, работает стратегирование?

– Стратегирование – процесс, который может быть реализован в самых разных предметных полях, на самых разных «площадках». Сейчас, обсуждая проблемы и выделяя те или иные понятия, мы держим в уме лишь одно поле, релевантное поднятой Вами теме. Стратегирование же может реализовываться в различных областях – далеко не только в социальной среде. Что же касается связи с программированием – это все же разные материи. Стратегия дает цель и маршрут к ней в некотором пространстве, программа «упаковывает» пространство вокруг маршрута, политика помогает сделать данную схему реализуемой, а экономика осуществляет логику данного процесса – и все это делается в рамках определенной социокультурной платформы, как правило, неочевидной (в своем качестве важнейшего фактора) для действующих субъектов.

Альбена, 23.08.2002

² За дальнейшими подробностями я бы отослал к выходящей вскоре статье «Управляемый хаос» в журнале «Мировая экономика и международные отношения» 2002, №9.

СПИСОК ИЗБРАННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ А.И. НЕКЛЕССЫ

Отдельные работы: монографии, сборники статей, брошюры (автор; отв. редактор):

1. Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2.— М.: Восточная литература, 2002 (готовится к печати).
2. Неопознанная культура / Рабочие материалы расширенного заседания Научного Совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН. — М., 2001. — 48 с.
3. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.1. — СПб.: Алетея, 2000 — 320 с.
4. Конец эпохи Большого Модерна / Международная научная конференция «Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия» (Москва, 21-23 октября 1999). — М.: Институт экономических стратегий, 1999. — 32 с.
5. Ответ России на вызов времени: стратегия технологической конверсии. — М.: Институт Африки РАН, 1997. — 64 с.
6. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире (социально-экономический аспект). — М.: Институт Африки РАН, 1995. — 48 с.
7. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. — М.: Синергетическая лаборатория НПО СИНЛА, 1994. — 48 с.; Приложение. Схемы. — М.: Синергетическая лаборатория НПО СИНЛА, 1994 — 16 с.
8. Российско-африканские экономические связи в глобальном контексте: проблемы и тенденции. — М.: Институт Африки РАН, 1993. — 60 с.

Главы в монографиях и статьи в сборниках:

9. Управляемый хаос: новый цивилизационный контекст // Связь времен (Сборник памяти Н.Н. Моисеева) / Отв. ред. В.А. Зятицкий. — М., 2002. (готовится к печати).
10. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. — М.: Логос, 2002. — С.9-39.
11. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития / Отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев / Центр исследований постиндустриального общества. — М.: Экономика, 2001. — С.127-151.
12. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков / Рос. Акад. Наук, Институт мировой экономики и международных отношений. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С.37-63.
13. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века —5: Неоэкономика / Отв. ред. Ю.М. Осипов, В.Г. Белолипецкий, Е.С. Зотова. — М.: Юрист, 2001. С. 60-78.
14. Pax Economica // Экономическая теория на пороге XXI века — 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Отв. ред. Ю.М. Осипов. — М.: Юрист, 2000. — С.77-91.
15. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и мифотворчество / Отв. ред. Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова. — М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2000. — С.209-217.
16. Глава 4. Россия в системе геоэкономических координат XXI века // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов. — М.: Экономика, 1999. — С.187-212.
17. Конец цивилизации, или зигзаг истории // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия /Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи. — М.: Московский общественный научный фонд, 1999. — С.31-74.
18. Эпилог истории, или модернизация versus ориентализация // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 2. Глобализация и Периферия. — М.: Московский общественный научный фонд, 1999. — С.21-56.
19. «Российский проект» в системе мировых координат XXI века // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 3. Особый случай России. — М.: Московский общественный научный фонд, 1999. — С.4-35.
20. Современные процессы глобальной трансформации мирового хозяйства и место Африки в Новом мире // Африка в меняющемся мире (глобальные и региональные аспекты экономических проблем). — М.: Институт Африки РАН, 1995. — С.13-39.

Статьи в журналах, альманахах, продолжающихся изданиях:

21. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. – М.: Новый мир, 2002, №9. – (1,6 а.л.) (готовится к печати).
22. Управляемый хаос: движение к нестационарной системе мировых связей (*intra-global relations*) // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2002 №9. – (1,1 а.л.) (готовится к печати).
23. Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством новых возможностей? // Со-Общение. – М., 2002, №9. – (0,35 а.л.) (готовится к печати).
24. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей // Россия XXI. – М., 2002, №4. – (1,4 а.л.) (готовится к печати).
25. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории. // Дружба народов. – М., 2002, №4. – С.126-137.
26. Мир после 11 сентября: логика глобальной трансформации // Москва. – М., 2002, №3. – С.146-152.
27. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1. – С.4-25.
28. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002, №1.
29. Наука и высшее образование в постсовременную эпоху // Высшее образование сегодня. – М., 2002, №1. – С.34-38.
30. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2002, №1 – С.121-143.
31. Порог Нового мира. // Москва. – М., 2001, №10. – С.179-191.
32. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №4 – С.156-167.
33. A la carte // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №3. – С.34-46.
34. Трансмутация истории // Вопросы философии. – М.: Наука, 2001, №3. – С.59-72.
35. Глобальный Город: творение и разрушение // Новый мир. – М., 2001, №3. – С.135-146.
36. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. М., 2001, №1. – С.99-130.
37. Российский проект в системе мировых координат XXI века // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН, 2001, №1. – С.30-59.
38. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – М., 2000, №6. – С.6-27.
39. Трансмутация истории и ментальность человека (вступление в постсовременный мир III тысячелетия) // Мир психологии. Научно-методический журнал. – М.-Воронеж: Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт, 2000, №4 – С.174-190.
40. Осмысление Нового мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2000, №4 – С.46-67.
41. Реквием XX веку // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2000, №1. – С.3-13; №2. – С.3-14.
42. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. – М., 2000, №1. – С.175-187.
43. Пакс Экономикана, или Эпилог истории // Новый мир. – М., 1999, №9. – С.118-135.
44. Творческий континент Россия // Москва. – М., 1999, №8. – С.114-131.
45. Мир на краю истории, или Глобализация-2 // Москва. – М., 1999, №4. – С.120-134.
46. Конец цивилизации, или Конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1999, №3. – С.32-38; №5. – С.74-84.
47. Pax Economicana: геоэкономическая система мироустройства // Экономическая наука современной России. – М.: Отделение экономики РАН, 1999, №1. – С.71-89.
48. «Российский проект» // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1998, №6. – С.29-36.
49. Эпилог истории // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1998, №5. – С.5-30.
50. «Российский проект» в системе мировых координат XXI век // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН, 1998, №1-2. – С.3-16.
51. Конец цивилизации или Зигзаг истории // Знамя. – М., 1998, №1. – С.165-179.
52. Геоэкономическая безопасность России в современном мире // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №10-11. – С.67-75.
53. Африканская перестройка // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 1997, №6. – С.5-9.

54. Гипер-Север: стратегия научно-технологической конверсии // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №3. – С.114-127.
55. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1997, №2. – С.35-50.
56. Геометрия экономики // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1996, №10. – С.70-83.
57. Россия на пороге нового мира // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1996, №2. – С.39-74.
58. Крах истории или контуры Нового мира? // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №12 – С.24-28.
59. Контуры Нового мира и Россия. Геоэкономический этюд // Знамя. – М., 1995, №11. – С.195-204.
60. Проблема глобального развития и место Африки в Новом мире // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №8 – С. 90-103.
61. «ЭКОЛАР» – комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1995, №5. – С.106-122.
62. «Третий Рим» или «Третий мир»: глобальные сдвиги и национальная стратегия России // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность – М.: Наука, 1995, №1 – С.5-19.

Доклады и выступления

63. Мир после 11 сентября: развитие стратегической инициативы. Выступление на Совете по внешней политике Комитета по международным делам ГД РФ // Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 2002, №1. – С.1-4.
64. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Культура в эпоху цивилизационного слома / Материалы Международной конференции. 12-14 марта 2001 / Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры. – М., 2001. – С.48-59.
65. Конец эпохи Большого Модерна // Мировой порядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1-2 ноября 1999 г. / Межрегиональное общественное объединение участников научных, культурных и образовательных программ сотрудничества с США «Профессионалы за сотрудничество». – М.: Добросвет, 2000. – С.48-67.
66. Россия в мировой экономике XXI века (Российский проект) // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период / Научно-практическая конференция Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – М., 1999. – С.172-185.
67. На пороге XXI века, как и две тысячи лет назад, человечество оказалось в ситуации нарастающей культурной растерянности / II. Глобализация в контексте этики // Этнос глобального мира / Горбачев-фонд. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – С.30-38.
68. The End of Civilization or the Clash of History // Africa beyond 2000. Symposium on the Development Perspective of Africa Towards the 21st Century. – Beijing: Institute of West Asian and African Studies Chinese Academy of Social Studies, 1999. – P.141-156.
69. «Российский проект» вхождения в глобальный мир – возможен // Россия в глобальном мире. Материалы совместного заседания клуба «Свободное слово» и Горбачев-Фонда, состоявшегося 19 сентября 1997 г. – М.: Апрель-85, 1997. – С.43-52.
70. Геоэкономическая система координат и проблема развития // Новая роль России в мире и Африке (материалы международной конференции «Россия и новое международное партнерство для Африки» апрель 1994 г.). – М.: Институт Африки РАН, 1995. – С.15-23.

Интервью:

71. Первая война XXI века // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №5-6. – С.40-45.
72. Проблема XXI века // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2001, №34. – С.20-21.
73. Новая картография мира // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №1. – С.32-41.
74. Чай, кофе и судьбы цивилизации // Российская федерация сегодня. – М., 1999, №18.
75. Мир Модерна, мир Нового времени подходит к своему логическому концу // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №5. – С.3-39.
76. Мир постмодерна, мир игры ломает горизонт истории // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №8-9. – С.2-26.
77. Мы стоим на пороге новых образов Политики, Экономики, Культуры // Деловой мир. – М., 27.8.1996.
78. Мы должны быть реалистами и стратегами. И уметь выбирать потери // Деловой мир. – М., 18.5.1996.